

ТЫСЯЧИ
ПРОЧТЕНИЙ
НА
WATTPAD

Мария Линде
Слушай, что скажет река

«Издательство АСТ»

2019

УДК 881.161.1-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Линде М.

Слушай, что скажет река / М. Линде — «Издательство АСТ»,
2019

ISBN 978-5-17-115328-1

Аста ищет брата, исчезнувшего пятнадцать лет назад. Уже отчаявшись найти его в родном Риттерсхайме, она случайно набредает на город Арнэльм, которого нет на карте. Здесь дома парят в воздухе, а река разговаривает с людьми, стоит только прислушаться. Неожиданная встреча с арнэльмцами – историком Тео, его внуком Лином и кузнецом Свенном – открывает Асте путь за границы привычного мира, где ей предстоит найти ответы на свои вопросы и узнать много нового. Например, из чего сделаны парящие дома? Зачем лисам крылья? Почему ее новые друзья ведут себя порой крайне странно? И наконец – кто же вернет реке Сердце, украденное много лет назад?..

УДК 881.161.1-311.1

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-115328-1

© Линде М., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мария Линде

Слушай, что скажет река

В оформлении издания использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

© Мария Линде, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Ты открываешь книгу в надежде найти в ней друга.

В надежде увидеть себя.

В надежде понять: твою боль – кажется, невыносимую, – понимает кто-то ещё.

Здесь есть и настоящая любовь, здесь есть настоящие друзья. И все твои ошибки – ты знаешь это точно – будут прощены, ведь все мы люди, все мы их совершаем и все мы хотим, чтобы нас простили.

Знаешь, такое бывает не только в книгах.

Посмотри вокруг: разве все эти истории – не из настоящей жизни?

Возле тебя есть хорошие люди. Нужно только присмотреться.

Даже если так кажется, знай: ты не одинок.

Редактор

Глава 1

«Лошадь. Эта дурацкая лошадь, – думала Аста, прислушиваясь сквозь мелодию в наушниках к голосу из динамика над головой. – Или он ее завтра уберет, или я увольняюсь».

Центр города. Следующая – главный вокзал. Хорошо, народу станет поменьше. Она прислонилась лбом к прохладному стеклу, закрыла глаза. Семь остановок – и дома. Почему сегодня не пятница или хотя бы не четверг? Еще и эта лошадь...

Издательство, в котором Аста работала уже полтора года, готовило к выпуску новую туристическую брошюру. И не обычную, а для студентов – тех, кто приезжает в Риттерсхайм из других городов Германии. Главный дизайнер, степенный дяденька лет пятидесяти, выдал бесконечно оригинальную идею – на обложку поместить герб города и его символ, коня в прыжке. На месте Риттерсхайма раньше был конный завод одного герцога, здесь устраивали скачки и состязания, отсюда и название – Обитель Рыцарей¹.

Все бы ничего, но дизайнер обложки – студент, вместе с которым Аста работала над проектом, – подошел к делу более творчески. Он нашел где-то в сети (или в собственных архивах, что вероятнее) фотографию группы молодых людей на фоне облезлой железной лошади. Лошадь была Асте знакома – памятник неизвестного авторства в кампусе технического университета. У животного не было хвоста (когда-то, видимо, был, но потом кому-то понадобился), зато имелась грива из стальных прядей, развевающаяся на ветру, как волосы топ-модели в рекламе шампуня. Компания, позировавшая на фоне сего шедевра, выглядела сильно нетрезвой даже на фото. Но молодой (подающий надежды) дизайнер свой выбор объяснил тем, что такая обложка очень хорошо передаст свободный, неформальный дух города, и это выгодно отличит их издание от других, со скучными постановочными снимками. Но сказал он все это не лично, а в письме с прикрепленным файлом, которое Аста открыла, когда отправитель уже сбежал домой в конце рабочего дня. Ей нужно до завтра сверстать макет для просмотра, а вместо обложки – такой кошмар. И спросят, конечно, с нее, с кого же еще – она же ведет команду.

Поезд остановился, пассажиры пошли на выход – многие с рюкзаками и чемоданами. Аста прибавила громкости в плеере смартфона, безучастно разглядывая людей и продолжая думать о лошади. Надо будет дома, пока еще есть время, поискать какое-нибудь другое фото... И опять, конечно, не получится выспаться.

Взгляд задержался на высоком парне в черной кожаной куртке. Его темные волосы были собраны на затылке в пучок, а на шее, на длинном шнурке, висел крупный кулон из какого-то очень светлого металла, так что Аста хорошо рассмотрела его со своего места: крест с двумя поперечными перекладинами-дугами – одна концами вниз, другая вверх. Это же... Это...

Из состояния полудремы трудно очнуться и помчаться бегом, но ей это удалось. Сорвавшись с места, одной рукой записывая в карман куртки наушники, другой отгесняя людей в вагоне, бормоча «извините» и «можно пройти», Аста бросилась к выходу. Незнакомец уже сошел на перрон и затерялся в толпе. Аста выскочила за ним, натолкнулась на входящих... Кто-то заметил ей вслед, что готовиться к выходу надо заранее, и, кажется, добавил еще что-то более грубое, но она уже не слышала. Снова увидела в толпе высокий силуэт и бросилась следом, к эскалаторам, стала на три ступеньки ниже, не отрывая взгляда от кожаной куртки. Впереди стояла пожилая пара, и Аста спряталась за их спины, надеясь, что преследуемый не обернется и не заметит ее.

¹ Риттерсхайм (нем. der Ritter – рыцарь; das Heim – обитель). Прототипом города является Штутгарт. – Здесь и далее прим. автора.

Он не обернулся, сошел с эскалатора и быстрым шагом направился к выходу со станции. Аста шла за ним, стараясь держаться на расстоянии и в то же время не упустить его из виду и совершенно не представляя, что делать дальше.

Выйдя на Кроненштрассе, парень свернул под арку, ведущую в Замковый парк. Уже стемнело – в середине апреля сумерки еще ранние. Накрапывал холодный дождь, асфальт блестел в свете фонарей и вывесок магазинов. Под аркой было темно, свет туда почти не проникал. Секунду помедлив, Аста шагнула следом.

В большом парке было тихо и безлюдно, огни почти все уже погасили – время и погода не для прогулок. Тут парень замедлил шаг, а потом резко остановился и обернулся. Аста, оказавшись почти рядом с ним, в испуге отшатнулась назад и тоже остановилась. Пару секунд они смотрели друг на друга – он с любопытством, прищурившись, она – готовая немедленно сорваться с места и бежать без оглядки. Потом парень сказал:

– Если ты собираешься меня убить, то давай начнем. У меня сегодня еще куча дел.

Голос у него был хриплый, надтреснутый. *«Простужен или долго ни с кем не разговаривал»*, – мелькнула мысль где-то на краешке сознания. Так, только спокойно. Она попыталась объяснить:

– Я не...

– Что? Не собираешься? – Незнакомец сложил руки на груди, как будто показывая, что ему все равно и он даже защищаться не будет. – Да ладно, все сначала так говорят. А потом...

– Я ищу своего брата, – выдохнула Аста. Губы задрожали, ноги сделались как чужие, горло схватило судорогой – до сильной боли. – Пожалуйста, помогите мне.

Пытаясь справиться с дрожью, она зажала себе рот рукой, закусилась пальцы. Парень посмотрел на нее внимательно, подошел ближе, спросил уже совсем другим тоном, без насмешки:

– Почему ты решила, что я могу тебе помочь?

– Я просто... Сейчас, сейчас. Вы только не уходите. – Трясущимися пальцами она растегнула сумку, вынула кошелек, а из него – тетрадный лист из тонкой серой бумаги в клетку, сложенный в несколько раз. Развернув, протянула незнакомцу. – Вот...

Он взял листок, посмотрел на него, потом на Асту, снова на рисунок, сделанный синими, почти выцветшими от времени чернилами шариковой ручки. В слабом свете, проникавшем под арку с улицы, на бумаге можно было различить один-единственный символ – тот самый крест с двумя перекладинами-дугами.

– Мы с мамой нашли это в его тетради, после того как он пропал. Еще у него был... кожаный браслет с цветком из металла... С таким же символом в сердцевине. Но никто не знает, что это такое. Помогите мне. Пожалуйста, помогите...

Дальше она говорить не могла. Голос сорвался, нервная дрожь усилилась, ветер с дождем показался еще холоднее... Только бы что-то узнать, только бы не ошибка... Парень подумал, потом вернул ей листок и кивнул:

– Пойдем.

И Аста покорно пошла за ним – обратно на главную улицу и дальше по ней, мимо кафе и магазинов, к Замковой площади. Шагов через сто инстинкт самосохранения все же взял верх, и она спросила:

– А куда мы идем?

– Да найдем какое-нибудь место потеплее. – Ее спутник застегнул куртку до ворота, откашлялся, положил руки в карманы. – Погода тут у вас...

Они устроились в сетевой кофейне у торгового центра, за стойкой у окна, взяли по стакану латте. Незнакомец сел спиной к залу, Аста – напротив. Он высыпал в кофе два пакетика сахара, размешал деревянной палочкой, отпил и поморщился.

– Рассказывай.

Рассказ вышел короткий – она почти ничего не знала. Когда ей было семь лет, а ее брату Томасу шестнадцать, одним осенним днем она уехала с родителями к бабушке на выходные, а брат остался дома – готовиться к школьному докладу. Уехали они в пятницу вечером, вернулись в воскресенье – Томаса уже не было. Судя по всему, он ушел в тот же день, потому что еда в холодильнике, приготовленная мамой, почти вся осталась нетронутой. Он не оставил записки, с собой в рюкзак сложил только пару футболок и смену белья и даже денег, которые копил на спортивный велосипед, не взял – значит, не собирался уходить далеко и надолго, максимум переночевать. Но где, у кого – они не знали. Полиция искала его по всей стране – безуспешно. В одном из супермаркетов в центре города камеры наблюдения в последний раз засняли Томаса – он покупал сэндвич и бутылку воды в тот же пятничный вечер, когда исчез. Дальше след обрывался. С тех пор прошло пятнадцать лет, но больше ничего выяснить не удалось.

– У полиции была версия, что он связался с какой-то сектой, – закончила Аста свой рассказ. – Или бандой. Или чем-то подобным. Он в последний год часто где-то пропадал, иногда целыми днями, возвращался поздно. Пьяным никогда не приходил, но заметно уставал, и казалось, его что-то беспокоило. И еще этот знак... Мы думали, что его втянули в какие-то темные дела, а потом... Что-то случилось. И он не смог вернуться...

Аста глубоко вздохнула, сделала большой глоток приторно сладкого кофе. Где-то она читала, что кофеин помогает сдерживать слезы. Наверно, в этом была доля правды – ей удалось не расплакаться, совладать с волнением и болью от потревоженных воспоминаний. Неужели?.. Неужели после стольких лет она что-то узнает?..

Ее собеседник, так и не назвавший своего имени, тоже отпил кофе, подумал.

– Значит, так, – сказал он Асте, – у меня для тебя целых три новости: хорошая, плохая и снова хорошая. Так что начнем в любом случае с хорошей.

Сердце на мгновение сбилось с ритма, ладони сделались ледяными. Аста обхватила ими теплый стакан и подалась вперед, вся внимание.

– Хорошая новость – мы не секта. И не банда. И не что-то подобное, – сообщил ей незнакомец. – Плохая новость – я не знаю, что случилось с твоим братом. Понятия не имею, никогда о нем не слышал. Но, опять же, хорошая новость – я могу попытаться что-то узнать. Ничего не обещаю, но попробовать можно. Идет?

Аста покорно кивнула, будто была под гипнозом.

– Договорились. Давай адрес.

Она очнулась.

– Э-э-э-э... Мой?

Парень закатил глаза.

– Ну свой я знаю. – И бросил в сторону: – Если б я еще домой сегодня попал, со всей этой каруселью...

Аста достала ежедневник и ручку, дрожащей рукой вырвала листок... Помедлила немного. Незнакомец, кажется, угадал ее страхи.

– Да не приду я к тебе в гости без приглашения. Не бойся, – успокоил он. – Связаться просто как-то надо, а телефоны не везде ловят... слава Всевышнему и здешним.

Ей ничего не оставалось, кроме как нацарапать свое имя и домашний адрес на клочке бумаги. Загадочный собеседник спрятал его во внутренний карман куртки, одним глотком допил кофе, поднялся и выбросил пустой стакан в урну, что стояла в углу.

– Мне надо идти. Я свяжусь с тобой, только не скажу когда – буду занят в ближайшее время. Но обязательно напишу, даже если ничего не найдем.

– Хорошо. Спасибо...

– Пока не за что. Хорошего вечера.

Он пошел к двери, вышел на улицу и сразу же исчез, сколько Аста ни высматривала его в окно. Она осталась сидеть, сжимая в ладонях стакан с остывшим кофе. Мысли метались, сердце бешено колотилось, город шумел за окном – ненавистный город. Нет, сегодня ей не уснуть. И злосчастный макет тут больше ни при чем.

* * *

От кофейни Лин пошел обратно в сторону вокзала. Навстречу ему то и дело попадались компании молодежи, одетой в национальные костюмы или их дешевое синтетическое подобие – девушки в легких платьях с глубоким вырезом, парни в кожаных штанах и клетчатых рубашках. Некоторые держали в руках бутылки с алкоголем, громко смеялись и о чем-то спорили, но вели себя вполне мирно. Каждый год в конце апреля в Риттерсхайме проходил весенний фестиваль с аттракционами и угощениями, и каждый год Лин удивлялся этому действу, не в силах его понять.

Странный праздник. Хотя какой же это праздник – священное таинство, приветствие весны и благословение нового урожая² давно превратилось в массовую попойку. И как им не холодно в этих нарядах, при такой погоде – непонятно. И народу на улицах сколько – заняться им, что ли, нечем? Хорошо все же, что он нечасто бывает в этом городе. Закончить бы дело поскорее – вообще тогда можно здесь не появляться. У себя дома работы хватает, ночи еще длинные. Неизвестно, что там произошло за сегодня, пока он тут шатается – и главное, совсем без толку.

С другой стороны, интересная вылазка в этот раз получилась – впервые кто-то из местных заговорил с ним. Обычно его в упор не замечают, пока он не заговорит сам, – что очень удобно, как ни посмотри. А эта девчонка не только заметила его и разглядела ключ, но и умудрилась преследовать. Конечно, он сам разрешил ей сделать это из любопытства. На реттеров она не похожа, да и вряд ли они ему тут встретятся, так что опасности в ней он не увидел. Глаза вот только большие – все, небось, выплакала, как и ее мать. Наверно, любила брата сильно, долго ждала... Что же с ним стало?

Лин вспомнил рассказ Асты, прикинул год, время. Вздохнул – в той осени памятная дата только одна. И если так, то новости будут печальные, но, может, все-таки обошлось. Надо у деда спросить, сегодня же, если он еще спать не лег...

Не доходя до вокзала, он свернул в переулок и, миновав вход в супермаркет, направился к арке в глубине просторного двора. Оглянулся на освещенную улицу, потом нырнул под каменный свод и растворился в сырой темноте.

* * *

Через два дня, вернувшись вечером с работы, Аста нашла в почтовом ящике конверт. Адреса отправителя на нем не было – только ее адрес и марка с изображением Бранденбургских ворот. Внутри оказался тетрадный листок с неровным зубчатым краем, который, видимо, раньше крепился к пружине, а на нем – всего несколько слов: «Пятница, 18:30. Рыночная площадь. Кафе “Лисья нора”. Тайса».

Пятница наступила быстро, но тянулась бесконечно. Работы хватало – сверстать макеты новых страниц, просмотреть корректорские правки, проследить, чтобы бухгалтерия выставила счета типографии... Издательство выпускало путеводители, карты и другие издания для туристов, так что к летнему сезону отпусков и каникул заказов поступало много. Но мысли витали

² Праздник весны (*нем.* Frühlingsfest) – фестиваль, который каждый год проходит во многих городах Германии в конце апреля – начале мая. Включает в себя ярмарку, аттракционы, музыкальную программу и другие развлечения.

далеко за пределами тесного офиса с его светло-серыми стенами. Аста работала механически – писала, отвечала на звонки, отмечала карандашом ошибки в распечатках... И даже лошадь ее больше не беспокоила – просмотр перенесли, Аста велела студенту переделать обложку почеловечески и тут же забыла о ней.

Что скажет ей Тайса, кем бы она ни была? Жив ли Томас? Если да, то что с ним случилось, где он был все это время?

Тысяча мыслей. Страшные сцены, словно в немом кино, представавшие перед глазами все эти годы. Вот брата сбивает машина на пустынной дороге и водитель, чтобы его не поймали, забирает тело. Вот его похищает какой-то сумасшедший, запирает в бункере, где проводит жуткие эксперименты... Или просто какой-то несчастный, невозможный в своей нелепости случай, из-за которого Томас погибает – и остается лежать где-то на заброшенной стройке, на дне водосточного люка, никем так и не найденный... Но – странный знак, кулон, похожий на ключ, и еще браслет... Слишком тяжелый, чтобы быть просто украшением. Что это все могло значить? Может, брат принадлежал тайному обществу, в котором нарушивших правила сурово наказывают?..

Предупредив команду, что сегодня уйдет вовремя, так как у нее назначена встреча, Аста в четверть седьмого уже шла через Рыночную площадь. Пришлось обойти ее всю, прежде чем она нашла кафе – в самом дальнем углу, напротив ведомства по делам иностранцев. Над входом поблескивала в лучах вечернего солнца медная вывеска с замысловатым шрифтом и лисой, обнимающей букву роскошным хвостом. Постояв несколько секунд, Аста толкнула массивную дверь – и та открылась неожиданно легко, будто ничего и не весила.

Для норы внутри оказалось просторно и очень уютно. На подоконниках – букеты полевых цветов в вазах (редкость для большого города), на полках – стеклянные подсвечники. Деревянные столы без скатертей почти все были заняты – конец рабочего дня. То к одному, то к другому подходили девушки-официантки в длинных темных юбках и белых передниках, приносили заказы – проворно, но вместе с тем как-то расслабленно, по-домашнему, болтая о чем-то с посетителями. Милое местечко. И – ох, как же трясутся руки.

За барной стойкой в глубине комнаты девушка с рыжими волосами, скрученными на затылке и заколотыми большой деревянной шпилькой, расставляла по полкам чашки и бокалы. Аста поздоровалась с ней и спросила Тайсу.

– Это я, – ответила девушка. – Чем могу помочь?

– Я насчет моего брата. Мне дали этот адрес... Высокий парень в черной куртке...

– А, вы Аста. – Тайса улыбнулась – не просто вежливо, а по-настоящему тепло, так что сразу стало немного спокойнее. – Да, Лин говорил, я вас ждала. Пойдемте со мной.

Попросив другую девушку заменить ее в баре, Тайса провела Асту через дверь за стойкой в кладовую, где хранились запасы продуктов и напитков, а из нее – в маленькую прихожую, к черному ходу. Там она огляделась в полумраке и, не включая свет, позвала:

– И'рис!

Тут же из плетеной корзины под вешалкой для одежды выскочила... лиса. Аста никогда не видела лис так близко, только за оградой в национальном парке, и сначала подумала, что это собака. Но нет – длинный пушистый хвост, рыжие уши с кисточками и белые «носочки» не оставляли сомнений. Вот только со спиной было что-то странное – не то шерсть всклокочена, не то жировая складка, нетипичная для такого грациозного животного... Аста не успела рассмотреть, да и света было мало. Тайса открыла дверь, и лиса бесшумно выскользнула наружу, уселась на тротуаре, обернув передние лапы хвостом, и выжидающе посмотрела на хозяйку.

– Проведи к деду, – сказал ей Тайса и добавила странное: – Только смотри, по земле иди! – И, обернувшись к Асте: – Она вас проводит к человеку, который расскажет, что знает. И потом обратно в город ответит, если надо. Если не будете успевать, скажите: «Помедленней!», а то за ней иногда не угонишься.

Попрощавшись с Тайсой и поблагодарив ее, Аста поспешила вслед за лисой. Та уже трусила вниз по переулку обратно к площади, иногда оглядываясь – мол, идешь или нет?

* * *

Пару раз она порывалась крикнуть «Помедленней!», потому что Ирис действительно оказалась приткой и Аста еле за ней успевала. Но задерживаться не хотелось. Томас. Томас... Неужели совсем скоро она узнает, что с ним случилось? Или даже увидит его. Может же быть? Ох, если бы так и было!

Сколько лет ему теперь? Почти тридцать два. Узнает ли он ее? Вдруг не вспомнит? Вдруг он не помнит вообще ничего? Вдруг...

Тут она остановилась, будто налетев на невидимую стену. Два парня, что шли следом и, конечно, пялились в свои телефоны, натолкнулись на нее, отпрянули в разные стороны, и один из них выдал двусмысленную шутку на местном диалекте. Оба загоготали и пошли дальше. Аста едва обратила на них внимание, чувствуя, как спина под блузкой покрылась липкой холодной влагой.

Вдруг ее заманивают в ловушку? Вдруг те, кто расправился с Томасом, теперь используют его как приманку – и она просто не вернется домой и никто никогда не узнает, что с ней случилось? Ведь она даже никому не сказала, куда идет.

Лиса сидела неподалеку, в тени церковной башни, мерно перебирая передними лапами. Асте показалось – та угадала ее мысли и теперь пытается успокоить взглядом: мол, не выдумывай ужасов, все будет хорошо.

Ирис не знала, что в одном девушка точно права – домой сегодня она не вернется. Точнее, вернется очень скоро, но не сегодня, и это будет уже совсем другая жизнь. Но откуда лисе было это знать, а ее спутнице – так и подавно.

Аста сомневалась недолго, и вскоре они продолжили путь.

* * *

Когда Ирис повернула за угол супермаркета – того самого, где в последний раз видели Томаса, – Аста вновь уловила запах, который непонятно почему иногда ее здесь преследовал – запах реки. Но откуда? До Некара, на берегах которого лежит Риттерсхайм, несколько километров, а тут веет свежестью, как будто горная речка рядом. Но всё это длилось только мгновение, а в следующее вернулись запахи города: шавермы из забегаловки на углу, свежего хлеба – он повсюду. Из киоска доносились легкие, как газовая ткань, ароматы срезанных цветов – робкие, нежные мотыльки в пыльном мареве. Невозможно представить здесь реку, да еще горную.

Раздумывать в этот раз было некогда – лиса торопилась и вскоре проскользнула под высокую каменную арку в глубине двора. Аста прошла за ней, справа потянулся серый фасад здания – склад супермаркета, кафе, вход в стоматологическую клинику... Потом мелькнули желтые ящики Deutsche Post³ и бело-зелено-красная вывеска итальянского ресторана. Но Аста едва замечала все эти привычные городские декорации – она старалась не потерять из виду лису.

И все-таки что-то непонятное у лисы со спиной – то ли теплая попона надета, то ли какое-то подобие платья, длинного, чуть ли не до земли. Странно. Хотя костюмы для собак – обычное дело, а лисы вроде из того же семейства...

По-прежнему не давая себя толком рассмотреть, Ирис спустилась в подземный переход. Они долго шли по туннелю – слишком долго, так что снова закрались нехорошие подозрения.

³ Немецкая почта.

Но тут туннель закончился, и Аста оказалась на пустыре, оглянулась и увидела внизу широкую дорогу, по которой струились потоки автомобилей.

Понятно. Это Конрад-Аденауэр-штрассе – значит, они за Замковым парком. Следом за Ирис Аста перешла шаткий строительный мостик, а потом долго пробиралась среди каких-то недостроенных бетонных коробок. Рыжая глина одобрительно зачавкала под ногами и с удовольствием размазалась по дорогим черным туфлям. Аста, ругаясь себе под нос, старалась выбирать место почище, а потом наконец ступила на твердую землю и подняла голову.

Перед ней убегала далеко вперед безлюдная улица, вся в цветущих деревьях. По обе стороны от мощеной дороги стояли балочные дома. Точнее, не стояли, а как будто парили над облаками зелени, возвышаясь над раскидистыми кустами. Немецкий фахверк: белые стены и контрастно окрашенные балки – в сливовый, винный, шоколадный цвета. И темная зелень с вкраплениями желтого барбариса и разноцветных тюльпанов. Какое красивое место. И тихое. И всего в десяти минутах от центра города – странно, что она никогда здесь не была. И как дома интересно построены, как будто и правда в воздухе висят.

Справа постройки и деревья спускались с пологого склона холма к темно-сизому лесу, а в самом низу плыл, поблескивая в последних лучах солнца, широкий водный поток. Прямо посередине него качалась на волнах отчаянная маленькая лодочка, издали похожая на ореховую скорлупку.

Ирис подвела Асту к одному из первых домов и, дождавшись, пока та взойдет на веранду, вспрыгнула на боковые перила, а затем потянулась, расправив при этом большие, широкие крылья.

Аста зажмурилась, потом снова открыла глаза – но крылья у лисы никуда не делись. Ирис, заметив произведенное впечатление, самодовольно прищурилась, зевнула и, отвернувшись, принялась вылизывать рыжие перья на одном крыле.

Рядом с дверью не было звонка, зато на ней висело тяжелое кольцо, которое держала в пасти голова фантастической рыбы.

«На подпорках, – сказала себе Аста. – Дома стоят на подпорках. Или так, или я схожу с ума».

И постучала в дверь.

Глава 2

В глубине дома раздались шаги, потом что-то упало, гулко ударившись об пол, и кто-то неразборчиво, но совсем незлобно выругался. Аста отступила на шаг назад – просто так, на всякий случай.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет шестидесяти, впрочем, возраст трудно было угадать. Волосы седые, мягкими серебристыми волнами падают на плечи, борода по грудь, а лицо за этой бородой вроде и молодое, сияющее жизненной силой, но вокруг глаз – серых и очень прозрачных, как вода в ручье, – дорожки глубоких морщин.

– Здравствуйте. Я по поводу моего брата... – Аста замешкалась, не зная, протягивать ли руку для приветствия, – в обеих руках незнакомец держал маленькую деревянную скамейку. На такие иногда ставят ноги, чтобы удобнее было сидеть.

– Здравствуйте. – Он улыбнулся, сунул скамейку под мышку и протянул руку. Рукава пестрой шерстяной рубашки были закатаны до локтя, предплечье покрывали сложные, тонко выведенные узоры татуировок. – Вы Аста? Я вас жду.

– Да, это я, господин... Простите, я не спросила у Тайсы вашего имени...

– О, пожалуйста, без господинов. Зовите меня Тео – это самое короткое и произносимое из моих имен. Прощу, проходите.

Аста шагнула было за ним в приоткрытую дверь, но тут посмотрела на свою обувь и смутилась – туфли сплошь измазаны глиной.

– Извините... там стройка, и вчера шел дождь... Для важной встречи у меня кошмарный вид...

Тео взглянул мельком на ее туфли и вновь улыбнулся.

– Не переживайте так, прошу вас. Грязная обувь – признак того, что ее обладатель не боится сойти с мощеной дороги. Но у меня тапок сколько угодно. Выбирайте. – И он жестом показал на два ряда мягких шлепанцев в углу прихожей.

Оставив злополучные туфли у порога (Ирис тут же подошла и принялась их обнюхивать), Аста выбрала себе подходящую пару обуви, сделала несколько шагов... И чуть не упала, споткнувшись о ту самую скамейку. Откуда она взялась? Тео же поставил ее у входа, под вешалкой для одежды. Или это другая?

Хозяин дома вовремя поддержал ее, спросил, все ли в порядке, потом наклонился и снова взял скамейку в руки.

– Вы не обижайтесь на нее, пожалуйста, – сказал он Асте. – Эта скамейка очень себе на уме. Она хорошая на самом деле, просто ей скучно, вот она и бродит по дому. А тут еще узнала, что будут гости, и вообще целый вечер сама не своя. – И он ласково погладил полированное дерево.

Аста помотала головой, пытаясь одновременно изобразить что-то вроде «Ничего, бывает» и как-то утрясти в голове летающих лис и ходячие скамейки, а потом осмотрелась.

В маленькой гостиной, обставленной старой деревянной мебелью – видимо, ручной работы, – ничего необычного на первый взгляд не было. Два кресла у окна, шкаф с книгами, пара подсвечников из витражного стекла на полке – такие продают на рождественских рынках. Уютное и опрятное жилище пожилого человека, где каждая безделушка имеет историю – иногда намного длиннее, чем у ее хозяина. На стенах, покрытых старыми полосатыми обоями, висели картины. Большой пейзаж маслом – берег реки на рассвете, два старых черно-белых снимка Риттерсхайма – главный вокзал и ратуша – и несколько акварельных набросков. Позже Аста узнает, кто их написал, и не сразу сможет смотреть без боли на эти воздушные, полные света рисунки. Но тогда взгляд не задержался на них, а хозяин дома как раз пригласил ее присесть в одно из кресел.

– Хотите чаю? – предложил он. – Или кофе, я как раз сегодня обжарил свежий...

– Благодарю. Воды, пожалуйста. – Аста вспомнила свое решение ничего не пить в незнакомой обстановке и тут же забыла о нем. Станным образом ей здесь нравилось. Забытое, давно потерянное ощущение дома.

От торшера лился мягкий, с медным отблеском, свет, и в воздухе пахло абрикосами. Будто спелый, с румяными бархатными боками плод разломил на две половинки, на которых тут же выступили прозрачные капли сладкого сока. Аста осмотрелась. Откуда? Да и не сезон на фрукты пока...

– Это свет, собранный абрикосовым деревом, – буднично объяснил Тео, ставя на подоконник два стакана с водой и присаживаясь в кресло напротив. – Он, правда, слегка желтоват, с липы или миндаля получается посветлее, но их в моем саду нет, так что пользуюсь тем, что есть.

Аста кивнула. Она не очень много знала об альтернативных источниках энергии, поэтому решила не удивляться.

На журнальном столике лежала большая карта. Старая, кое-где подклеенная скотчем, с обтрепанными краями и карандашными пометками на полях. Тео положил на нее широкую ладонь, откашлялся, посмотрел, прищурясь, в окно, в засыпающий сад, потом повернулся к Асте:

– Я расскажу вам все, что знаю. Но позвольте сначала один-единственный вопрос...

– Пожалуйста. – Она слотнула вязкую слюну, отчего-то предчувствуя подвох, и потянулась за стаканом с водой.

– Вы знаете, где мы сейчас находимся?

И посмотрел выжидающе, как учитель, который задал ученику простую с виду задачу на внимательность. Аста решила начать с очевидного:

– Мы в Риттерсхайме, недалеко от центра. Я не очень хорошо запомнила дорогу, но это где-то за Замковым парком...

Тео убрал руку с карты.

– Покажите.

Она склонилась над картой. Так, вот площадь, вот парк и здание театра. Вот улица имени первого федерального канцлера за ним. Где-то здесь должен быть Национальный музей истории и картинная галерея...

Ничего этого не было. Дальше начинался какой-то совсем другой, незнакомый город, надписанный на карте выцветшими красными буквами: Арнэльм. Через него текла река, за ней рос лес, из которого выступала острыми клыками горная цепь, переходящая не то в степи, не то в пустыню. А за пустыней, довольно большой даже на карте, продолжался Риттерсхайм. Станция метро «Каннштатт», музей автомобилей и круглое блюдо огромного стадиона.

Аста снова вернулась к парку и проследила свой маршрут, водя пальцем по гладкой бумаге. Наклонилась пониже, пытаясь разглядеть следы не очень удачной склейки, но их не оказалось. Город, ее знакомый, родной город, плавно переходил в какую-то совершенно не известную, фантастическую местность и затем продолжался, как ни в чем не бывало.

– Извините, я не понимаю, – сдалась она наконец. Выпрямилась в кресле, откинула волосы со лба. – Это что, шутка? Фотошоп?

Тео даже рассмеялся:

– Помилуйте. Фотошоп – отличная программа, но я не стал бы ее использовать, чтобы вас обмануть. И, в общем, вы все правильно сказали. Мы и правда недалеко от Риттерсхайма, всего в нескольких километрах от главной площади. Арнэльм находится в том же часовом и климатическом поясе – здесь тоже весна, вечер и дождь собирается. Дождит, правда, не так часто, как у вас – река немного влияет на погоду, но это мелочи, к делу не относится.

Они помолчали. Потом Аста решила, что в плане здравого смысла ей уже терять нечего, и спросила о самом очевидном:

– Но... как же так получается? Мы разве в параллельном мире? Это бред, конечно, но...

– Нет никаких параллельных миров, Аста, – ответил Тео, сразу посерьезнев. – Это глупости, хотя и занятные в своем роде. Мир один-единственный, целый и неделимый, сколько бы его ни рвали на части. И нет никакого другого мира, кроме этого. Все зависит от того, как на него смотреть.

Он сам склонился над картой – Аста невольно подалась вперед – и одной рукой сдвинул край, так что образовалась складка. В ней исчез фантастический город, река и горы с пустыней – и Риттерсхайм снова стал целым – таким, как на всех других картах. Потом Тео отпустил бумагу – и она расправилась, вновь открывая незнакомые места. Выглядело все очень просто, даже слишком, но понятнее от этого не становилось.

– Карта – это всего лишь проекция. Грубый набросок, схема, не более. – Тео разгладил бумагу длинными красивыми пальцами, исчерченными морщинами, потом откинулся в кресле, сложив руки на коленях. – И мир на этой схеме такой, каким люди его видят, каким привыкли видеть. Мир огромен, бесконечен для одной человеческой жизни – и в то же время для многих людей он не больше газетной страницы или экрана телевизора. И если сказать им, что здесь, в двух кварталах от их дивана, живут крылатые лисы, и река говорит с людьми, и, когда воздух сырой, рыбы плавают в нем, как в воде... И дома парят в воздухе, и деревья растут, не касаясь корнями земли, – огромные, до облаков, – разве кто-нибудь поверит?

Аста покачала головой. Не то чтобы она могла ответить за всех, но ей самой пока не очень во все это верилось. Тео истолковал ее жест по-своему.

– Вот именно. Разве кто-то воспримет это всерьез? Разве, проходя мимо Ирис, когда она греется на солнце у входа в кафе, они хоть на секунду поднимут голову от своих телефонов? – Он сделал паузу, не предполагающую, впрочем, никакого ответа. – Когда-то давно кто-то создал этот мир. Я не знаю, действовал ли он в одиночку или у него были помощники, – тут мнения расходятся, но, в общем, это не важно. Важно то, что у него, или у них, получился шедевр. Огромный, бесконечно разный, переходящий из одной крайности в другую, не повторяющийся ни в чем – и все же являющийся одним целым. Он никогда не был совершенным, этот мир, но шедевр и не надо быть совершенным. Ему достаточно быть прекрасным – таким, чтобы дух захватывало.

И он был таким, но потом в мир пришли люди. Может, Творец ждал кого-то другого, я не знаю... Но пришли те, кто пришли. И увидели мир, и начали переделывать его под себя – сначала в своих мыслях, а потом и по-настоящему. Они решали, что должно остаться, а что – исчезнуть. Что приносит выгоду, а что использовать нельзя, поскольку оно существует само по себе, не считаясь с их мелочными интересами.

Люди исследовали мир и рисовали карты. Потом они показывали эти карты своим детям и говорили: мир такой. И детям ничего другого не оставалось, как только принять на веру слова родителей. Потом дети выросли и то же самое передали своим детям.

И так тяжелели шаги людей по Земле, тяжелели их руки, что когда-то были легкими, как птичьи крылья. И карта смялась под их руками.

И появились на ней такие места, как это. Оно вроде бы существует, но не на поверхности, которую все видят и признают как объективную картину мира, а как бы... В тени, в складках карты. Рядом, но в то же время недостижимое для многих. Многие, впрочем, в этом и не нуждаются.

– Но неужели никто не знает об этом месте? – Аста все еще цеплялась за свой старый привычный мир, как за край скалы над бушующим морем. – Неужели люди не заходят сюда?

– Нет, почему же, некоторые заходят. Собственно, это обстоятельство как раз и привело вас ко мне.

Он посмотрел на Асту, и у той сердце заколотилось от волнения. Томас...

– Ваш брат однажды пришел сюда. Просто гулял по городу после занятий в гимназии и пришел. Ему тогда было четырнадцать, и он сразу подружился с местными школьниками. Они-то и привели его ко мне на урок. Я, в числе прочего, преподаю – как один из Хранителей Истории нашего мира – целого – того, что есть не на всех картах.

...Так вот, значит, куда уходил брат и почему его не могли найти. Чем больше она узнавала, тем тревожнее ей становилось. Аста затаила дыхание, стараясь не пропустить ни слова.

– Но прежде, чем я расскажу о нем, вы должны узнать, как появился Арнэльм, – сказал ей историк, заметив, как она заволновалась. – Чтобы правильно понимать дальнейшие события.

* * *

Его светлый, солнечный взгляд вдруг потемнел, усталость и возраст стали заметнее. Пока Тео молчал, подбирая слова, Аста почувствовала, как по спине тянет неприятным сквозняком, которому вроде бы неоткуда взяться. Потом историк заговорил:

– Арнэльм существует не так уж долго, всего каких-то две сотни лет. Для городов это детство. Раньше здесь был другой город – Эльмбург. Он назывался так по имени крепости, которую построил его правитель, светлый князь Эльм – чужак с огромным сердцем, покинувший высший свет в поисках свободы. Он нашел эту землю, потому что видел дальше, чем другие. Народ, который жил на берегу реки, он полюбил больше своей семьи. Его сородичи только и знали, что пьянствовать, транжирить деньги и вести споры о политике, а здесь люди жили по-другому – в ладу с природой и друг с другом. Они не были дикарями – умели читать и писать, знали разные науки, владели ремеслами, создавая невиданной красоты вещи. Но главным их талантом была медицина – целительство на грани магии. Наверно, больше нигде в мире так лечить не умеют.

Говорят, это река, которая течет за городом, давала людям такую мудрость и силу. Ее зовут Арна, и она умеет говорить. Каждый, кому нужна помощь, может прийти к ней за советом. Река видит всех насквозь – потому что все мы состоим из воды, а вся вода в мире – это одно целое. Ну, как и огонь один, и небо одно на всех – понимаете?

Аста кивнула, будто под гипнозом, но оцепенение беспокойства не вызывало – наоборот, она наконец-то согрелась, и внутренняя дрожь унялась как по волшебству.

– Эльм привозил из большого мира книги, трактаты великих ученых того времени, измерительные приборы, – продолжал Тео. – Он же основал здесь университет, пригласил несколько своих друзей из науки – таких же чужаков, как он сам, которым не было места на родной земле. Университет Эльма объединил все поселения в один большой город. По чертежам самого князя на холме у реки выстроили крепость – замок с четырьмя парящими в воздухе сторожевыми башнями из древесины Летящих Лесов. Крепость и город получили его имя, а самого Эльма люди избрали своим правителем. Они очень любили его. Кроме университета, он также помогал строить дороги, преподавал детям в городской школе, составил несколько учебников и карт – в том числе эту. Она уже довольно старая, но мир на ней настоящий, сегодняшней, потому что карта всегда отражает действительность. Все новые постройки, все переименованные улицы и возведенные памятники – всё здесь есть.

Эльм был хорош собой, и женщины любили его, но он так и не нашел среди них свою. Говорят, было в нем такое светлое, глубокое одиночество – без страданий и надрывного мужества, просто как данность. В редкие свободные минуты он приходил на берег реки и говорил с ней, а иногда просто сидел и смотрел на волны. Арна любила его. И Эльм ее тоже любил – была между ними двумя какая-то очень прочная связь, которой никто больше не мог понять.

Он прожил не так уж много – всего пятый десяток разменял, когда сердце его вдруг устало биться. Лечили князя самые лучшие врачи, но без толку – видно, не болезнь это

была, а просто время вышло. Он все слабел, становился тише, прозрачнее и только улыбался нездешне... А потом уснул все с той же улыбкой под деревом у воды – и угас.

Горожане сожгли его тело там же, на берегу, на каменных плитах. Те, кто присутствовал при этом, клялись потом, что вода в реке сделалась горько-соленой, как слезы, билась о камни, стонала и плакала человеческим голосом – хотя ветра не было. А когда костер догорел, поднялась вдруг река, нахлынула – и стали уголья драгоценными камнями. Да такими, каких никто здесь не видел: все насквозь из света и переливаются радугой. Но едва кто-то протянул руку к камням, Арна оттолкнула его волной, сбила с ног, потом схлынула – и забрала камни с собой, спрятав их глубоко на дне.

У Эльма не осталось наследников, поэтому люди выбрали нового правителя из местных старейшин. Снова зажил город. И хорошо, в общем-то, жил – не на что было жаловаться, да только что-то ушло из него безвозвратно. А потом пришла беда.

«...Самая светлая птица тени своей не спрячет от распростертого в небе над миром крыла...» – вспомнилась ей старая песня. Аста слушала дальше.

– О тех сокровищах много толков ходило, – продолжал Тео свой рассказ. – Нашлись и охотники за камнями, но вернулись они в лучшем случае ни с чем, а некоторые и вовсе сгнули. Но однажды случилось вот что.

В городе жил один купец. Он рано овдовел, горевал долго, а потом взял себе молодую жену. Красивую, говорят, выбрал – страсть. Голос медовый, но нрав бедовый у нее оказался. Дostatка мужа ей показалось мало, жизнь наскучила, и закрутила она роман с его старшим сыном. Ей – развлечение, а парень влюбился как ошалелый, на все ради нее был готов. Тогда она ему и говорит: «Достань мне со дна реки тех камней, тогда буду твоя. Бросим все и убежим вместе в какой-нибудь другой город».

Собиралась она действительно с ним бежать или так, голову морочила – дело неясное, но он поверил, пошел за теми камнями – с оружием, с веревками крепкими, ремнями кожаными... Что уж он там делал, как с рекой боролся – не знает никто, но много дней его не было, думали – пропал. А он вернулся. Израненный, избитый, в лохмотьях. Пришел домой, позвал мачеху, свою любовницу, и вывернул перед ней сумку на стол.

И такие камни посыпались... Нет таких слов, чтобы их описать. Яркие, как цветы весной, прозрачные, как слезы, узорчатые – ни одна человеческая рука таких узоров не выведет. И был среди камней один особый – больше других в несколько раз, глубокого алого цвета, как маковый лепесток, и такой же нежный на ощупь. И формой как человеческое сердце.

Женщина охала да ахала над теми камнями, а парень схватил ее и давай целовать. И тут вернулся отец, увидел свою жену в объятиях сына... Ему, конечно, всякое рассказывали, да он не верил, а тут увидел сам... И хотя добрый, говорят, был, рассудительный, но тогда свету в глазах не стало. Схватил кухонный нож и убил обоих.

И когда кровь залила камни, они полыхнули огнем – и начался пожар. Вскоре он перекинулся на соседние дома, и так загорелся весь город. Жители пытались тушить огонь, но, сколько ни лили в него речной воды, он только сильнее разгорался.

Когда город сгорел дотла, люди пришли к реке – просить у нее прощения, но Арна сказала только: найдете сердце моего возлюбленного – вернетесь на эту землю, а без него и не ступайте на мои берега. Они рыскали в горячей золе, так что стали черны как ночь, но ничего не нашли. И пришлось им уйти отсюда, прочь от реки, к горам. Основали они там поселок и, так как их города, Эльмбурга, больше не было, назвали его Нод – нужда, бедствие, а себя – нодийцами.

Камни с тех пор никто не видел. На следующую весну река разлилась невиданно широко – и смыла все, что осталось от города. А через несколько лет пришел сюда наш народ. Мы раньше жили на юге в лесах, но там лихорадка болотная разгулялась, пришлось уходить. Старейшина наш – мой дед – привел людей сюда и заговорил с рекой. Сказал, что знает о ее горе, рассказал о нас и спросил позволения остаться. К его удивлению, река согласилась – с условием, что

новые жители будут во всем ее слушаться. На том и порешили. На месте Эльмбурга построили новый город – Арнэльм, по имени Арны и ее возлюбленного...

Тут Аста прикинула возраст собеседника, но удивиться не успела – она слушала, честно стараясь все принимать на веру.

– Вскоре нодийцы узнали, что мы здесь живем, и им это не понравилось. Мол, здесь земля их предков, прах их предков, а мы поселились на их месте. Не корчевая леса, не возделывая землю, не возводя крепости – она одна тогда уцелела в пожаре. Зато домов висячих понастроили, тогда как нодийцы чтят Летающие Леса и считают их вырубку варварством. Опять же, усмотрели несправедливость – ведь не они же лично отняли у реки ее сокровище, не они совершили убийство. И решили во что бы то ни стало найти те камни и землю свою вернуть.

С тех пор идет война. Не пламенная, не постоянная – все привыкли к ней, как к ноющей ране, слабому кровотечению, что день за днем отнимает силы. Дети здесь рождаются уже с этой раной. Иногда нодийцев не видно месяцами, а потом они вдруг появляются целым отрядом, нападают на жителей, рыщут в городе, устраивают пожары. Они нас ненавидят. Считают, что мы хитростью заполучили то, что принадлежит им... А мы защищаем свой город как можем.

Тео замолчал. Аста тоже молчала. Оцепенение прошло, она вернулась из прошлого в реальный мир – в свою новую реальность – и вдруг почувствовала, как все внутри напряглось – до боли. Как натянулись в груди стальные струны, вот-вот готовые лопнуть. Томас... Неужели...

* * *

Тео посмотрел на нее осторожно – так доктор смотрит на больного, перед тем как объявить страшный диагноз. Приподнял угол карты на столе, вынул прямоугольное фото размером с ладонь, протянул Асте – она взяла негнушимися пальцами.

На старом цветном снимке ее брат сидел в этом же кресле, в котором теперь сидела она. В странной куртке из прозрачных пластин, вроде рыбьей чешуи, в брюках темно-зеленого цвета – его любимых, он называл их солдатскими. На шее у него, на ремешке, висели круглые, как у пилота, очки. Одну руку Томас положил на подлокотник, а вторую вытянул перед собой, и на раскрытой его ладони сверкал цветок из металла с восемью острыми лепестками. В абрикосовом свете лампы он казался отлитым из золота, и такие же золотые блики горели у брата в глазах – теплых, карих, как у бабушки. Бабушка любила Томаса, говорила: «Глаза мои, только лучше, светлее...»

– Томас хотел защищать нас. Он любил этот город, мечтал поселиться здесь, когда окончит школу. Однажды он спас нескольких детей во время набега нодийцев, помог им добраться до укрытия. Его хотели наградить, и он попросил позволить ему учиться у наших воинов. Людей тогда не хватало, враги становились все сильнее и изобретательнее. Его взяли – в резерв, самым последним, кому когда-либо придется сражаться...

Тео вздохнул, закусил губы, помолчал, подбирая слова. Он не смотрел на Асту и не видел, как она, держа в одной руке фотографию, другой вцепилась в подлокотник кресла, как будто боясь соскользнуть с него в пропасть.

– Он часто приходил ко мне, расспрашивал об истории города, о нодийцах, о том мире, который дальше, за лесом. Рассказывал о своей семье. Сказал, что у него есть сестра, и спросил, можно ли привести ее сюда, когда подрастет. Я разрешил. Это фото я сделал в тот день, когда он сдал экзамен в военной школе и получил право носить оружие. С ним я его и сфотографировал.

– Оружие? – переспросила Аста, услышав свой голос как из-под земли – глухой и хриплый. Сердце бешено колотилось, и каждый его удар отдавался звоном в ушах.

Историк посмотрел на нее с беспокойством. Пояснил, добавив запутанности:

– Это восьмиконечная кризанта, свет, закованный в металл. Только им можно одолеть нодийских воинов. Потому как...

– Что с ним случилось? – выдохнула Аста, не дослушав. – Где мой брат? Что с ним?

...Стоит ли спрашивать? Или, может, лучше не слышать – так это не станет правдой. В голове завертелся смерч, мир застлала серая пелена.

В этом душном тумане Тео сказал ей:

– Пойдем, – уже на «ты».

И повел куда-то через темные комнаты. Открыл одну из дверей, вспыхнули электрические свечи под потолком. Желтоватый свет выхватил из мрака ряды шкафов и стеллажей. Историк отпер один из шкафов, достал книгу – огромную, с полметра в длину и толщиной в хороший кулак. Пристроил ее на столе под лампами, открыл на странице, отмеченной тонкой плетеной закладкой. Осторожно взял из рук Асты фотографию, которую она все еще держала за уголок, приложил к странице. Сделал жест – смотри. Аста склонилась над книгой.

Позже она узнает, что это Книга Памяти и Прощаний. Толстая пожелтевшая бумага, черные, яркие чернила, красивый учительский почерк. Она прочла: «Томас Р., 198... года рождения. Смертельно ранен при обороне Арнэльма. Скончался в городском госпитале около 5:30». И дата. Следующий день после того, как они простились у дверей их квартиры. Простились навсегда.

– Это была страшная ночь, таких я еще не видел, – донесся до нее голос Тео откуда-то из темноты. – Тогда все, кто мог, вышли на защиту города. Томаса и еще нескольких новичков послали на самый спокойный участок – не драться даже, просто помогать жителям и нести вахту. Кто ж знал, что эти твари только этого и ждут...

Высокий потолок начал падать, Аста схватилась за край стола. Тео придержал ее, усадил на диван у стены. Коснулся рукой плеча, сказал негромко:

– Остайся здесь до утра. Остайся, пожалуйста, так будет лучше. Завтра Лин вернется и проводит тебя в город. Я принесу хвойное одеяло...

Где-то за стеной, в крошечной тьме, заскулила лисица.

* * *

Ночью она несколько раз соскальзывала в сон, как с гладкого льда в полынью, но тут же просыпалась.

Вдруг вспомнилось все. Как мама плакала – молча, беззвучно, как плачут на грани сумасшествия. Как папа о чем-то ругался с полицией, просил, грозил даже, и каждый раз потом уходил из дома на несколько дней. Наверно, полиция все-таки сделала свою работу на совесть, вот только это не помогло ничем. Маленькую Асту две недели не выпускали на улицу – боялись, что ее кто-то похитит. Она сидела на кровати в своей комнате, прислушиваясь к голосам за окном, к шагам на лестничной площадке. Думала: вдруг Томас сегодня придет. Родители будут его ругать, но, конечно, обрадуются. И мама снова испечет пирог с шоколадным кремом и малиной, а потом они все вместе пойдут куда-нибудь. И все будет как раньше.

Она ждала, а его уже не было. Когда приехали домой от бабушки, когда начали искать, Томас был уже мертв. Он никак не мог вернуться.

* * *

...Когда за окнами библиотеки разлился тусклый рассвет, слез уже не осталось. Аста сидела на диване у окна и смотрела на мокрые деревья в старом саду. На ветвях, уже покрытых свежими молодыми листьями, висели хрустальные бусы утреннего тумана. За ночь стены остыли, но одеяло, что дал ей Тео, спасало от холода. Сплетенное из тонких, похожих на шерсть

волокон, оно пахло лесом и как будто впитало в себя силу вековых деревьев. Хвойное волокно в арнэльмском лесу собирают с ветвей специальными расческами, а потом прядут из него нити, но Аста тогда ничего этого не знала. Она даже не находила в себе сил удивиться необычной ткани, но чувствовала ее тепло и аромат, и от этого становилось немножко легче.

Наверняка в доме полно всяких диковинок, но хватит. Пора выбираться отсюда – делать ей здесь больше нечего.

Она собралась подняться, но тут закрипел на улице под чьими-то шагами речной песок. Хлопнула входная дверь, и снова что-то упало, как вчера вечером, кто-то выругался, но это был не Тео. «Скамейка вышла на утреннюю прогулку», – подумала Аста отстраненно. Потом дверь в библиотеку приоткрылась, и Лин, ее недавний знакомый из кофейни, заглянул внутрь.

Наверно, вид у нее после бессонной ночи был неважный – Лин посмотрел с беспокойством, подошел, присел на корточки перед диваном.

– Привет. Ты как?

Она молчала. Глаза горели, в голове стоял низкий разноголосый гул. В горле вдруг поселился целый выводок котят-подростков, которые драли его изнутри острыми когтями, как обивку старого кресла. Можно попросить попить, но даже разговаривать не хочется...

– Извини, я вчера не смог прийти, – снова заговорил Лин, не дождавшись ответа. – Думал вечером к деду зайти, помочь, может, чем-нибудь. Хотя чем тут поможешь...

Глаза снова наполнились слезами, бледный утренний свет показался нестерпимо ярким.

– ...Слушай, мне очень жаль. Правда. Я, когда твою историю услышал, так пока деда не спросил, еще надеялся. Думал, ну вдруг живой, мало ли что. Хотя мне про ту ночь много потом рассказывали. Я на несколько лет старше тебя, так что тогда, конечно, в обороне не участвовал, но жил у тети с дядей как раз недалеко от места битвы. И они успели меня унести, пока пожар не начался. Так что в какой-то мере я твоему брату жизнью обязан.

Он так и сказал – унести, но ей не хотелось ни о чем спрашивать. Она сморгнула слезы, отерла щеки ладонью. Вытаскивать руку из-под одеяла было холодно, пальцы от влаги прямо-таки заледенели.

Лин вздохнул, посмотрел на клубы пара в воздухе.

– Н-да, свежо. Подожди, я сейчас шерсти в печку подброшу.

«Ох и вони сейчас будет», – подумала Аста – впрочем, довольно равнодушно. Лин ушел за стеллажи, погромел там заслонкой и печной утварью, названия которой Аста не знала, ведь она росла в городе. Вскоре потеплело и запахло карамелью.

– Чем вы тут топите, сладкой ватой? – спросила она, когда Лин вернулся и присел рядом на край дивана. Голос охрип и пришлось говорить очень тихо.

– Это шерсть золотистых лесных котов. Они сладкоежки. Землянику объедают, малину, сладкие корни из земли выкапывают. – Лин, похоже, обрадовался, что она проявила хоть какой-то интерес к жизни. – Мы им кормушки с медом ставим, подкармливаем. Эти коты линяют на зиму, и белая шерсть у них совсем другая, более жесткая. Так что мы собираем летнюю в начале осени, до того как пойдут дожди. Она хорошо горит и дает очень много тепла – один клочок может до утра тлеть. Жаль, одежду из нее не сошьешь. На человеческом теле быстро распадается – нет у нас такой сильной светлой ауры. А красивые – жуть. И ласковые. Но пугливые, не ко всем идут – в основном девушек любят.

Он снял прилипшие к рукаву несколько волокон, протянул Асте. Та взяла двумя пальцами, понюхала – пахло карамелью. Что ж, еще одно чудо, которое ей ничем не поможет. Она попросила:

– Проводи меня до города. Хотя бы до туннеля, дальше я сама. Только тут, наверно, заблужусь.

Лин кивнул, поднялся.

– Проведу. Только, может... тебе поесть сначала? Силы восстановить. Я поищу чего-нибудь...

Она не могла вспомнить, когда в последний раз ела, но вся еда в мире стала вдруг какой-то совсем бесполезной.

– Нет, спасибо, ничего не надо. Пойдем.

В доме стояла тишина, только часы в гостиной выстукивали секунды. Выйдя в прихожую, Аста огляделась по сторонам, не желая снова споткнуться о скамейку, но той не было видно. Наверно, устроилась на отдых где-нибудь в углу, откуда вещала о своих приключениях другой, не столь активной мебели. Туфли стояли все там же, у порога, начищенные до блеска. Ирис спала рядом в своей корзине, свернувшись в клубок и прикрыв нос кончиком хвоста. На паркете неподалеку серел комок птичьих перьев.

Снаружи, после ароматного домашнего тепла, оказалось по-зимнему холодно, пахло рекой и прошлогодней прелой листвой. Застегнув легкую куртку, Аста сделала несколько шагов – и вдруг что-то яркое, сияющее мелькнуло перед лицом и снова исчезло в тумане. Она посмотрела вслед неизвестному существу – вдалеке еще виднелось слабое свечение. Птица, не птица?..

– Это рыбы, – объяснил ей Лин, который шел рядом. – Они плавают в реке, а когда сыро, то и в воздухе. Еще они светятся в темноте, как фейерверки.

Летающие рыбы... Да, конечно. Мысли спутались окончательно, а котят в горле снова затеяли возню, и разговаривать расхотелось.

Так, в молчании, они дошли до подземного перехода. Отсюда уже слышен был город – Риттерсхайм не желал отсыпаться в субботнее утро и, несмотря на ранний час, всюю кипел, торопя своих жителей по разным неотложным делам. Аста и Лин остановились у бетонной арки, постояли молча – оба не находили слов.

– Спасибо тебе за помощь, – сказала наконец Аста, чувствуя, что пора прощаться. – Хорошо, что все... выяснилось, а то я бы еще ждала.

...Как же холодно. Такой анестетический холод, как в операционной, и боль ощущается будто издалека.

– Да не за что. Я бы тебе с радостью хорошую новость принес, но видишь как...

Он снова замолчал, а она вспомнила, о чем собиралась попросить.

– Я хотела бы себе фотографию Томаса, ту, которая в книге. Можно ее скопировать?

– Да, конечно. Дед много фотографирует, у него есть все негативы. Я попрошу его напечатать фото и пришлю тебе. Адрес есть.

– Спасибо. Ну, я пойду.

– Давай. Береги себя.

– Ты тоже.

Нырнув в сырой полумрак туннеля, она тут же запретила себе оглядываться. Сказать бы Лину: «Не отпускай меня, пожалуйста. Сделай что-нибудь, потому что я не знаю, как теперь жить дальше...» Но что он мог сделать? Пусть возвращается в свой странный мир – каждому свое.

Вот и снова Замковый парк, почта, знакомые вывески магазинов. И будто не изменилось ничего – только надежды не стало. По улицам города разливался серый весенний день, и люди спешили по своим делам, не успевая подумать даже о самом маленьком чуде.

* * *

Проводив Асту, Лин вернулся в дом деда. Ирис, все еще спавшая в своей корзине, подняла голову, когда открылась дверь. Конечно, она и так знала, кто пришел, но лишний раз

посмотреть не мешает. Лин склонился, рассеянно погладил рыжие, с кисточками уши, и теплый шершавый язык коснулся его ладони.

В кухне он привычным движением взял со стола старый медный чайник, наполнил его водой из бака, поставил на круглую плитку из огненного камня – она засветилась мягким оранжевым светом. Затем Лин нашел на полке самую большую чашку, а в глубине одного из шкафов – начатую упаковку чая в пакетиках и порадовался, что дед ее не выбросил. Тот поэтично называл такой напиток «Пыль индийских дорог» и вообще за чай не считал. В ожидании, пока горячая вода в чашке примет чайный цвет, Лин отрезал кусок вчерашнего хлеба, намазал маслом и медом и безнадежно подумал: поспать бы. Но куда там – времени все меньше, а дела никакого. Темный лесной мед пах терпкой ягодой и нагретыми солнцем травами, и в янтарных струйках, стекавших с ложки, сверкали золотые блики. Хоть бы потеплело, а то опять целый день по городу шататься – никаких сил не хватит.

Скрипнули старые половицы, и вскоре дед Тео появился в кухне – все в той же клетчатой рубашке, надетой поверх ночного халата. Увидел внука, поморщился, заметив ярлык чайного пакетика.

– Доброе утро. Опять чернила хлебаешь?

– Доброе утро, дед. – Лин закрыл глаза, наслаждаясь теплом, потом объяснил неизвестно в который раз: – Это хороший чай. Био. Экологически чистые плантации...

– Ну да, ну да. – Дед брезгливо заглянул в дымящуюся чашку, потом в чайник. Долил воды, снова поставил на огненную плитку. – Ты с ночи? Давай я тебе чаю по-человечески заварю – с розмарином и смородиной. Чтоб ты соображал хорошо и не простудился.

– Спасибо, не надо. Я побегу сейчас, на утреннюю пересменку хочу успеть. Может, что-то новое расскажут.

– Угу. – Дед всыпал в заварочный чайник горсть листьев мяты и толченого имбирного корня. Подумав, добавил щепотку корицы и пару бутонов гвоздики. – У тебя что нового? Как твои поиски?

– Да никак. – Лин откусил хлеба, обнял чашку ладонями. – Который день уже никаких следов. Может, его давно в городе нет.

– Или даже в стране?

– Тоже вариант. Или... – Тут он хотел сказать небрежно, но вспомнил Асту, и что-то в груди противно зануло. Выговорил поосторожнее: – Может, его и в живых уже нет. С таким характером как раз куда-нибудь вляпаться, и родительские деньги при нем – наверно, ни в чем себе не отказывал. Неудивительно, что мы его найти не можем...

– Что Арна говорит?

– Ничего. Я к ней давно не ходил, потому что не с чем. Один раз переспросил, но она снова только имя его повторила, и все. Значит, надо искать.

Лин долил в свою чашку горячей воды, отрезал еще хлеба. Надо бежать. Сейчас разрядка, потом к сеньоре – доложить о результатах поиска (точнее, об их отсутствии). Потом урок в военной школе у новобранцев, потом снова в Риттерсхайм, будь он неладен. Большой, шумный, с толпами людей, и туристов сегодня наверняка целая куча – выходной же. И еще это утро. И девчонка с ее горем. Хоть столько времени прошло и ничего нельзя сделать, все равно паршиво почему-то...

– Ты Асту проводил? Что она? – спросил вдруг дед. Лин так и не смог за всю жизнь привыкнуть, что тот умеет подслушивать мысли.

– Да что... Зареванная вся. Проводил. Ей надо отдохнуть – столько лет ждать, и все зря...

Тео покачал головой, задумался, забыв о своем чае, и посмотрел куда-то за окно, в пространство. Сказал негромко:

– Хороший у нее был брат – умный, светлый – такие во внешнем мире не часто встречаются. И освоился быстро, как будто здесь и родился. Ты не помнишь его разве – совсем?

– Нет. – Лин бессознательно коснулся пальцами шрама на затылке, прикрытого длинными волосами. – Мне тогда... было не до этого.

...Вроде и зажило давно, а горит иногда, будто только что обожженное. Память тела. Боль в каждой клетке, туман перед глазами, слабость... Пустота. Долгие дни в кровати, под низким беленым потолком, на котором тени рисовали черты маминого лица...

Лин помотал головой, прогоняя воспоминания. Не хотелось расстраивать деда – подслушает же. Хотя тот и так все понял, конечно. Он решил сменить тему:

– Слушай, я вот думаю: этот парень последний, кто нам поможет. Был бы он как Томас – другое дело. А так – ну найдем мы его, и что дальше?

– Он должен узнать свою судьбу и принять ее.

– А если не примет? Если скажет: «Да пошли вы все...» Он город бросил, семью свою знать не хочет – какая у такого судьба?

– И все-таки Арна хочет его видеть. И мать тоже...

Лин вздохнул. *Беатрис*. Сегодня он пойдет к ней с докладом, несмотря на выходной. Или, если повезет, можно будет просто передать горничной, что ничего нового нет. Что он по-прежнему не знает, где ее сын, который ушел из Арнэльма два года назад. Ушел в большой мир, хлопнув дверью родительского дома, и с тех пор на его пороге не появлялся.

Лин встал из-за стола, сполоснул чашку под струей воды в раковине.

– Все, дед, побегу. Может, завтра заскочу еще. – И, задержавшись у порога: – Ты осторожно тут. Не геройствуй, если что.

– Ох, кто бы говорил... Давай беги. Сеньоре от меня наилучшие пожелания...

Когда за ним захлопнулась дверь, Ирис проснулась было снова, потом зевнула и перевернулась на другой бок – досматривать свои лисьи сны.

Глава 3

Протекло еще несколько дней, холодных и бесцветных, как талая вода. Солнце заглянуло в город ненадолго – проверить, как у него дела, и тут же снова скрылось за облаками. Протянулись ночи, сырые и одинокие, но уже заметно короткие, прошел нерешительный, робкий дождь, пошептался о чем-то с липами в городском саду. Всплакнул, задумавшись о былом, каменный ангел над Замковой площадью, уронил слезу с высоты своей колонны. Разлетелись прозрачные капли во все стороны, разбудили фонтаны у замка. Запела, заговорила вода, уставшая от молчания долгой зимой, потекли истории живым серебром... А люди всё спешили мимо, не глядя и не слыша, как будто совсем ничего особенного рядом не происходило.

А потом вдруг пришел май. Торопясь, на несколько дней раньше календарного срока – кому он нужен, этот календарь. Раскрасил небо розовым восходом, разлил в воздухе сладкое белое вино, пьянящее с первого глотка. Вышло солнце ему навстречу, улыбнулось – наконец-то пришел. Обрадовался город, вздохнул от избытка чувств, полетели по улицам стаи золотых пылинок. И звенела им вслед мелодия близкого лета. В это волшебное время, которое наступает лишь раз в году, Аста лежала в кровати с температурой. Пережитое потрясение и утренний холод сделали свое дело – вернувшись из Арнэльма, она в тот же день слегла с бронхитом. Впрочем, это оказалось даже кстати – можно было спокойно отлежаться дома и не ходить на работу. Глотая горькие таблетки жутковатого синего цвета, приторно сладкий сироп и липовый чай без сахара, она пыталась представить, какой будет дальше ее жизнь. Но в голову, которая и так раскалывалась от температуры, ничего хорошего не приходило.

Она не стала звонить родителям и рассказывать им о Томасе. Зачем? Они уже очень давно жили в своем собственном мире, столь же далеком и непонятном, как и Арнэльм. Для них эта новость все равно ничего не изменит.

Когда Асте исполнилось восемь, ее отец, а за ним и мама нашли утешение в религии. Это помогало им пережить потерю сына. Со временем весь мир – в том числе живущая в нем дочь – перестал их интересовать. Они все дальше уходили в глубины познания Вселенной, в жизнь общины и иногда уезжали на семинары и собрания, оставляя Асту одну. Получив эту странную свободу, граничащую с ненужностью, она потихоньку перебрала все вещи в комнате брата, перелистала его книги, но ничего не нашла, кроме символа в тетради по математике. Конечно, полиция его тоже видела, когда осматривала комнату, но никто не знал, что он значит.

Тогда у Асты и появилась мысль: вдруг Томас попал в какой-то другой мир и не может дать знать о себе. Когда она подрастет и сможет ходить куда захочет, она отправится на его поиски.

Конечно, Аста отправлялась, и не раз. Сначала со школьным проездным и бутербродом в рюкзаке, ориентируясь по старой карте города, которую мама купила, когда приехала поступать в университет. Позже – с телефоном, в который было занесено все, что удалось узнать на тот момент. Она исходила город вдоль и поперек, много раз была в гимназии, где учился Томас, на спортплощадках, на всех вокзалах и даже в таких местах, куда девушке в одиночку лучше не ходить. И каждый раз поиск почему-то заканчивался у того супермаркета. Где-то совсем рядом пахло рекой, и даже слышался иногда плеск волн в шуме городских улиц. Но дальше как будто вырастала невидимая стена. Почему она не могла раньше перейти эту границу? Впрочем, если бы даже и могла – слишком поздно. Опоздать на день или на много лет – уже без разницы.

Сейчас от жара не получалось даже уснуть. Аста часами смотрела National Geographic, бездумно наблюдая за красивыми видами дальних стран и дикими животными, а когда температура немного спала, спустилась в холл к почтовому ящику.

Почты набралось много. И среди узких белых конвертов, в которых обычно приходят счета и разные уведомления, нашелся один большой, рыжий. На нем, толстом и тяжелом, не

было ни адреса, ни марки, только имя. Аста принесла его домой, распечатала, вынула фотографию в деревянной рамке – ту самую. Долго смотрела на нее, сидя на кровати. Потом походила по комнате, ища, куда бы поставить.

Рамка из необычного серого дерева с бледно-голубыми разводами не имела ни подставки, ни петель. Аста как раз примеряла ее к стене над столом, когда рамка выскользнула из рук и... повисла в воздухе. Аста осторожно потрогала ее, готовясь подхватить, чтобы не разбилась, потом подвигала вверх-вниз, в стороны, наклонила – рамка так и осталась висеть, будто опиралась не на воздух, а на твердую поверхность.

Забавно. Что ж, можно повесить фото над столом, и стены съемной квартиры долбить не надо – все равно она не умеет, а попросить некого. И еще стало грустно. Эта грусть хорошо знала все уголки ее сердца, а потому без труда пробралась в самую глубину.

Аста ждала эту посылку и надеялась найти в ней хоть какое-нибудь послание, вроде слов поддержки, или приглашения прийти, или чего-то в этом роде. И лучше от Лина – ведь это он доставил пакет. Но в конверте больше ничего не было.

Через три дня больничный закончился, и Аста продлила его, пожаловавшись врачу на слабость (лукавить не пришлось – она чувствовала себя совершенно разбитой). Но потом все-таки настал день, когда надо было выходить на работу.

* * *

То утро выдалось суматошным. То ли после болезни, то ли потому, что думала она совсем о другом, привычные действия заняли очень много времени. Уже собравшись и мельком глянув на часы (надо же, все-таки успела!), Аста остановилась перед зеркалом в прихожей.

Она всегда смотрелась в него перед уходом, проверяя, не торчит ли воротник и не остались ли на ногах домашние тапки. Сейчас же она увидела себя по-другому – будто постороннюю, незнакомую девушку: бледное лицо, сжатые в одну полоску губы, гладко причесанные светлые волосы. Строгая блузка, тонкая серебряная цепочка на шее, в правой руке сумка, левая стянута ремешком часов. Безупречная осанка, неброские цвета. Ничего лишнего. Ничего личного. Ничего, что делало бы ее живой.

Мобильник запищал, подсказывая, что надо спешить – через восемь минут придет поезд. Аста нашарила телефон в сумке, выключила таймер и снова посмотрела в зеркало.

Кто эта девушка, неужели это она? Всегда собранная, сильная, ответственная, отличница в школе, стипендиатка в университете, совмещающая учебу с подработкой и курсами английского. Сдающая работу в срок, неизменно готовая помочь коллегам. Привыкшая прятать немыслимую боль под вежливой улыбкой – годы упорного труда, с детства училась, а теперь могла бы давать мастер-классы. Сейчас она придет в офис, поздоровается, послушает, как все провели выходные, и, конечно, ответит, что ей уже лучше. Лучше, чем когда? Чем две недели назад, когда она еще надеялась, что ее брат жив? Коллеги ничего не знают и не спросят, грусть легко списать на погоду и авралы. Зачем вообще туда идти? Верстать каталоги, в очередной раз спорить с дизайнерами? Отвечать на письма, решать чужие проблемы? Ждать конца рабочего дня, чтобы наконец отправиться домой, захлопнуть дверь и никого не видеть?

Время, когда нужно было выходить, давно прошло, но Аста все стояла. Потом снова глянула на часы и как будто очнулась. Так: в сторону рефлексии! Если сейчас же выйти, она успеет на следующий поезд, и даже останется в запасе пятнадцать минут...

Чтобы стянуть с себя тесный деловой костюм, понадобилось меньше минуты. Еще две – чтобы надеть удобную футболку, джинсы и собрать тщательно уложенные волосы в высокий хвост. Следующие десять минут ушли на то, чтобы написать пару электронных писем начальству и внести в систему отпуск в счет переработок, которых с начала года накопилось при-

лично. И стало не важно, одобряют отпуск или нет, – все равно она сейчас пойдет не на работу, а совсем в другое место.

Захлопнув крышку ноутбука, Аста нашла в шкафу старый пестрый рюкзак, бросила в него ключи, кошелек, телефон и бутылку с водой. Надела кроссовки, подхватила куртку и выбежала за дверь.

Через сорок минут она уже шла по туннелю под Замковым парком. Всю дорогу ее не покидала решимость, а тут налетели сомнения, как стайка противных комаров. Что, если она сейчас ничего не увидит? Никакого другого города – просто стройка, пустырь, знакомые улицы. Что, если она больше не сможет попасть в Арнэльм, ведь в этот раз с ней нет проводника? Или все это было лишь температурным бредом – наверно, вот так и сходят с ума...

Туннель закончился, Аста вышла к стройке и неожиданно без труда вспомнила дорогу между бетонными коробками. Только сейчас она заметила, что весь путь отмечен все тем же символом, нарисованным на серых стенах черным масляным карандашом. Утро стояло ясное, дождя давно не было, и глина подсохла, да и вымазать старые кроссовки совсем не страшно.

Страшно другое. Что она придет сейчас – а ее там совсем не ждут. Что ей там вообще нужно, зачем она пришла? Посмотреть на город, который защищал ее брат? Еще раз увидеть Тео и Лина – непонятно зачем? Найти ответы? Нет, на самом деле все еще проще. На самом деле ей просто некуда больше идти.

У строительного мостика, переброшенного через неглубокий котлован, страх не попасть снова в Арнэльм развеялся. Отсюда уже виднелась главная улица города, река вдалеке – значит, все это по-прежнему существует и ей не приснилось. В ясную погоду стало заметно, что дома действительно парят над землей и к ним приставлены лесенки. Майское утро пахло росой и той особой цветочной сладостью, которая в крошечных лапках тружениц-пчел становится самым вкусным майским медом.

Вдруг стало очень спокойно и даже радостно. Словно после долгого путешествия она наконец-то вернулась домой.

Аста ступила на мостик, и тут что-то зажужжало над ухом. Не то крупный жук, не то оса. Она отмахнулась, но жужжание раздалось с другой стороны, потом сзади, потом со всех сторон. Перед глазами замелькали мигающие черные пятна. В ярком солнечном свете они казались дырами в пространстве, ведущими на темную изнанку, эти дыры все росли и росли, и скоро черная пелена застлала все вокруг. Аста сделала несколько шагов вперед, надеясь выйти из этого облака, вслепую нашла рукой перила. Потом что-то взорвалось рядом – будто лопнул воздушный шар, в голове зазвенело, по телу разлилось тепло, ноги сделались ватными. Она успела подумать, есть ли шанс, что с улицы кто-то ее заметит, и мир исчез во тьме.

* * *

...Лететь, лететь вперед, без оглядки – он уже не вернется туда, где видел последний рассвет. Дух без имени, тела и дома, сам не помнящий, кем он когда-то был... был ли? Или его сотворила за секунду до битвы чья-то рука или злая воля – чтобы потом, так же в одно мгновение, отобрать жизнь, отдать ее кому-то другому? Впрочем, этого он никогда не узнает.

Вот и город. Рыжие черепичные крыши, главная улица, площадь... Земля предков, отнятая чужаками. Найти бы свет, то сокровище света, о котором все говорят, – может, и не пришлось бы сейчас умирать... Но его ли это память? Или нашептывает кто? Вот ветер прошелся по крыше, застыл на самом краю, а потом нырнул в зеленое море листвы... Так странно, что можно видеть ветер, слышать запахи – горячей сдобы, свежей древесной стружки, речной прохлады... Видеть спокойную радость людей на площади – базарный день, светло, и всего вдоволь, скоро лето, ночи короткие... Ишь, копошатся, как муравьи. Не знают, что их ждет, да если бы и знали... Но сначала надо затаиться...

Тень, едва различимая в лучах майского солнца, спустилась с неба, бесшумно скользнула по мостовой и исчезла в сумрачном переулке.

* * *

Как же не хочется просыпаться! Так тепло и удобно лежать – как в детстве на пуховой перине у бабушки. Только ноги что-то придавило, ими едва можно пошевелить, но совсем не больно, а приятная такая тяжесть, и тепло от нее, как от грелки... Пальцы обеих рук утопают в чем-то мягком, и где-то совсем рядом шумят деревья, доносятся голоса, но слов не разобрать, да и неохота прислушиваться.

Аста открыла глаза. Она лежала на кровати у окна, в маленькой комнате с низким потолком, укрытая пестрым лоскутным одеялом. Поверх одеяла раскинулась Ирис, распластавшись на животе, и ее размашистые крылья занимали половину кровати. Заметив, что гостья проснулась, лиса подползла поближе к ее лицу, лизнула в подбородок и снова легла, устроив узкую морду на вытянутых лапах, но потом опять вскочила, наострив уши, – ее звериный слух первым уловил шаги за стеной. Через мгновение дверь открылась, и в комнату заглянул Тео. Увидев, что Аста не спит, он подошел к ней.

– Очнулась уже? А я думаю, дай проверю еще раз. Как ты себя чувствуешь?

Аста приподнялась на локтях, что заставило лису подвинуться с недовольством, а потом осторожно села на кровати, осмотрела себя, ощупала руками лицо, голову. Ничего не болело, только в голове была какая-то странная, звенящая пустота, а на лбу и висках ощущалась мятная прохлада. Пальцы от прикосновения к коже пахли травами.

– Нормально, – решила она наконец. – А что со мной случилось?

– Это дети. Дети нодийцев, – пояснил Тео, присаживаясь на край подоконника. – Они сами не могут приходить в Арнэльм – здесь их быстро изловят, и родители им запрещают, поэтому они шатаются по всей округе и пакостят. У старших учатся. Одна из их шалостей – черный туман. В нем не различаешь свет, и все чувства запутываются. Не смертельно, но приятного мало, а с непривычки может и с ног свалить. Похоже, они им тебя и атаковали. Увидели, наверно, что человек нездешний – наши-то их замечают... А нашла тебя она. – Тео потянулся к Ирис, погладил по голове – лиса прижала уши и зажмурилась от удовольствия. – Она их разогнала и вроде даже укусила одного. Правильно я рассказываю, Ирис?

Лиса оскалилась и зарычала.

– Ну-ну. – Тео потрепал ее по загривку. – Будет с них. Я мазь положил, она снимает головокружение, – продолжал он. – Вообще, я подумал сначала, что ты к Лину, у него к тебе было дело... Только не понял, почему он тебя одну отправил. Он уже знает, что ты здесь, скоро заглянет.

– Какое дело? – Значит, Лин все-таки вспомнил про нее.

– Это он лучше сам тебе расскажет. Они с Тайсой скоро придут.

... Вот так, будто снежком в лицо, играючи, – хотя, конечно, ничего удивительного.

– А-а-а, – протянула Аста, уже начиная догадываться, что к чему. – Тайса тоже отсюда?

– Да, это его невеста. Они собираются пожениться на летнее солнцестояние. У нас в это время много свадеб.

Вот оно что. Понятно. Тео еще рассказывал о местных обычаях – и, кажется, очень интересно, – но она не слушала. Ей вдруг снова стало грустно и одиноко. Лин ей понравился и поэтому хотелось снова его увидеть, а он, оказывается, уже занят. Вот так всегда...

– Ты полежи еще, отдохни, – сказал Тео, пока она думала, как бы сменить тему. – Мне нужно один текст дописать на завтрашний урок, а потом приготовим завтрак.

Аста удивилась:

– Разве еще утро?

По ее ощущениям, прошло уже очень много времени с тех пор, как она покинула свою квартиру. Хотя в этом странном месте сложно рассчитывать на что-то привычное.

Тео рассмеялся:

– У нас когда завтрак – тогда и утро. Подожди немного, и все устроим.

Он ушел.

Аста снова легла в постель, укрылась одеялом до подбородка. За окном светило солнце, но в комнате на теневой стороне дома было прохладно (конечно, парящий дом можно повернуть в любую сторону, но к этому не сразу привыкаешь).

Лежать под лисой было тепло и уютно, так что даже двигаться не хотелось – силы после болезни еще не восстановились. Аста обняла Ирис за шею обеими руками, уткнулась лицом в шелковистый мех и прошептала в чуткое лисье ухо:

– Ничего не понимаю. Но, может, и не нужно?

Ирис зевнула во всю пасть и положила голову ей на плечо, всем своим видом показывая, что понимать совсем не обязательно – достаточно найти место, где тебе хорошо, но скоро сама соскочила с кровати, принялась и пошла к двери. Кого-кого, а ее обещанный завтрак очень даже интересовал, и не важно, в какое время.

Аста встала, оправила на себе одежду, приладила волосы. Видок тот еще, конечно. На ней были все те же джинсы и футболка, измятая после долгого лежания в постели, но что поделаешь, взять запасные вещи она не подумала.

Вслед за лисой она вышла из комнаты и спустилась по узкой деревянной лестнице в кухню.

Тео жарил блины. Стоял у плиты в вылинявшем полосатом фартуке: в одной руке – сковорода, в другой – половник с тестом. Пахло ванилью, сливками и еще чем-то домашним и умопомрачительно вкусным.

– Вам чем-нибудь помочь? – Аста подошла поближе.

– Не надо пока, спасибо. – Дед вылил тесто на сковородку, дал ему растечься, поставил на раскаленный кусок каменной плитки. – Присаживайся, развлечешь меня светской беседой.

Аста присела на резной табурет (сначала взявшись за него обеими руками – вдруг сбегит). Осмотрелась вокруг, думая, о чем бы спросить первым делом, – странности на каждом шагу. Вот хотя бы печка. И не печка совсем – квадратная каменная плита на столе, черная, вроде базальта, а на ней четыре круглые плитки поменьше – и та, что под сковородой, горит огненным светом. Видно, что горячая – не притронешься, но ни проводов, ни газового баллона рядом не видно. Но как? Или вот...

Тут она заметила, что Ирис, заглянувшая было в кухню, тут же убежала по каким-то своим делам, и спросила полусшепотом:

– Скажите, а Ирис... она правда летает? В смысле, как птица?

– Только птица летает как птица. – Тео снял сковороду с плиты, наклонил – готовый блин съехал на тарелку, где уже высилась горка таких же, тонких и румяных. – Каждое крылатое существо летает по-своему, потому что крылья – продолжение не только тела, но и духа. Но Ирис действительно может летать. В небо, конечно, не поднимется – вес не тот. И конструкция. – Тут он тоже понизил голос и даже оглянулся на дверь – видно, чтобы не ранить лисьих чувств. – Но с горки на горку перелетит, особенно если хорошо разбежится. Еще она лазит по крышам, как кошка, когда охотится, – и, конечно, упасть не боится.

– Здесь все лисы крылатые?

– Нет, крылатые – очень редкий вид, их мало осталось. Они живут ближе к югу, к горам, где почти нет людей. Когда-то жили и во внешнем мире – в ваших лесах, но их там перебили из любопытства. А Ирис я нашел в походе три года назад, лисенком еще, – шерсть обгоревшая – видно, опять детки наших соседей развлекались. Она тогда очень ослабла от голода и болезни, но ее удалось выходить, теперь здесь живет. Хотя, бывает, уходит в лес на целые недели, а

потом возвращается. С Тайсой еще в город бегают за компанию. Ну, нам так спокойнее. Ирис добрая, если ее не злить. Чужих не жалуется.

Рассказывая, он испек еще три или четыре блина, и только тут Аста заметила, что он не переворачивает их на сковороде. Выливает тесто, печет несколько секунд и потом сразу на тарелку – а блин прожарен с обеих сторон. Что за дело?

Тео, заметив, что она зачарованно следит за его действиями, рассмеялся и объяснил, не дожидаясь вопроса:

– Это такая специальная блинная сковорода. Как она устроена, неясно, но есть легенда, как она появилась. Жил здесь будто бы, лет сто пятьдесят тому назад, один кузнец, который очень любил блины. И сыновей у него было то ли семь, то ли восемь, и тоже все блиноеды. И еще всяких друзей-приятелей целая куча, которые нет-нет да и забегут на чай, – жена у кузнеца на весь город славилась этими блинами. А на столько едоков пойдешь целый день у печи! Тогда она и говорит мужу: «Сделай мне такую сковороду, чтобы блины на ней пеклись быстро-быстро, да не подгорали, и чтобы их не переворачивать, а то я все пальцы уже обожгла...» Ну а кузнец был любитель своего дела, ему лишь бы задачу позаковыристее. Три недели думал, работал в своей мастерской – и сделал своей жене такую сковороду, на которой блины сразу с двух сторон пекутся. А секрет передал своим ученикам, и с того времени появились у здешних людей такие сковородки. Как их кузнецы делают, никто не знает, да я бы и не дознавался. Я считаю, что чудеса понимать не обязательно – достаточно им радоваться от души.

Как будто ответ на недавние мысли Асты... Она задумалась, а Тео спросил:

– Да, ты же так и не сказала, зачем к нам зашла. В гости? Или так, прогуляться?

– Почти. Вообще, я... как бы... – Ладно, чего уж тут придумывать. – Я хотела бы пожить здесь немного, увидеть город поближе, может, чем-то помочь. – И добавила поспешно: – Конечно, я буду работать. Я много чего могу, у меня в школе и студенчестве было много разных работ.

– Да? – Тео явно заинтересовался. – А кем ты сейчас работаешь?

– Верстальщиком в одном издательстве. Мы выпускаем книги для путешественников, каталоги, карты, ну и всякое разное. Иногда текст корректирую, когда у нас совсем рук не хватает, дизайн, бывает, правлю... В общем, всего понемножку. Такая совсем не героическая профессия...

– Ну, это как посмотреть. Первые книгопечатники были настоящими героями. Некоторые из них поплатились жизнью за свои книги, но не отказались от них. А насчет остаться здесь... Хм...

Аста ждала ответа, рассматривая деревянную столешницу – темные разводы на светлом создавали причудливые узоры. Интересно, что это за порода, – похожа на ту, из которой сделана рамка для фото, но другого цвета. Хотя... Может, и правда не обязательно все понимать...

– Надо поговорить с Беатрис, – решил наконец историк. – Это наша сеньора, она здесь главная – как у вас бургомистр. И с Арной еще... Что она скажет.

Произнес он это без особого восторга, скорее как будто из вежливости. Аста расстроилась.

– Ты пойми меня правильно, – спохватился Тео, заметив, что она опустила голову. – Я очень рад тебя видеть, я думал о тебе. И Лин с Тайсой будут рады, ну а Ирис так больше всех – она не любит чужих, но ты ей понравилась. Просто... это не самое безопасное место в округе. Арнэ́льм – красивый город, и люди здесь хорошие, но мы каждую минуту не знаем, чего ждать. Еще и... А хотя это лучше Лин расскажет, когда придет. Кстати, вот и он!

* * *

С улицы послышались шаги, потом знакомые голоса из прихожей, и на пороге кухни появились Лин и Тайса, а вслед за ними – Ирис. Аста встала, шагнула навстречу гостям.

– Привет, героиня, – сказал Лин весело. – Жива? Ну ты что, предупредила б хотя бы...

– Как будто мне кто-то оставил контакты. Я только дорогу и запомнила.

– В кафе бы зашла, мы бы тебя провели. Днем тут более или менее безопасно, но, видишь, всякое бывает. Хорошо, что обошлось...

Аста хотела спросить, что у него к ней за дело, но Лин уже переключился на Тео, стал ему рассказывать о каких-то городских новостях, понятных только местным.

Тайса тронула ее за рукав.

– Ты как?

Аста никогда не умела вести беседы с малознакомыми людьми. Пошутила неуверенно:

– Думаю, блины вашего деда все поправят.

– Это да, это он умеет. – Тайса по-хозяйски заглянула в чайник, поставила его на плиту. – Ух, я голодная! Мы все утро провели в военной школе, а потом про тебя услышали – и сразу сюда.

– Вы оба учитесь в военной школе? – Ого, в этом городе даже женщины все героические, настоящие валькирии, – и что она тут забыла?..

– Я не учусь, – ответила Тайса просто. – Я только прошла общую подготовку в старших классах – женщины не обязаны, но почти все проходят. А Лин там преподает – он один из инструкторов, обучает новобранцев. И начальник обороны Арнэльма. – В ее голосе явно послышались нотки гордости. – А я просто ему помогаю со списками и всякими мелочами, иначе совсем бы не виделась – работы куча...

Хорошо, что Аста не пошла пару лет назад в издательство любовных романов – там была вакансия. Напридумывала бы себе уже всякого. Суровый герой и его верная подруга – безнадежный вариант для кого-то третьего. Аста поймала себя на том, что завидует Тайсе, и тут же устыдилась этого чувства.

Тайса тем временем одной рукой подхватила стопку тарелок, которые Тео выставил на стол, другой, тонкими длинными пальцами, – четыре чашки.

– Аста, возьми, пожалуйста, приборы.

И упорхнула в гостиную, а за ней потянулись и остальные – Тео с тарелкой, на которой высилась целая башня из блинов, и Лин с чайником.

Какие приборы? Наверно, не измерительные, – соображать пока трудно из-за этого тумана, вот же гадость. Аста осмотрелась, заглянула в пару ящиков и шкафов. Там было полно всякой всячины – стеклянные и жестяные банки с чаем, кофе, травами и специями, разноцветные формочки для печенья, тарелки, чашки, кухонные весы... Но никаких ложек и вилок. Только на столе у плиты стоял небольшой деревянный ящик, выстланный полотенцем, в котором катались десятка два абсолютно одинаковых гладких металлических шарика. Это еще тут зачем? Игра, может, какая-то?

Она собралась было бежать в гостиную, спросить, – и в дверях столкнулась с Лином, который что-то бормотал себе под нос. Аста отскочила, будто обожглась, чувствуя, как щеки заливаются румянцем.

– Я говорю, варенье в нашем деле – самое главное. – Лин посмотрел на нее внимательно, даже настороженно, потом принялся выставлять на медный поднос банки с разноцветными джемами и консервированными фруктами. – Сахар помогает думать – правда, не всегда так, как надо. Ты что ищешь?

– Приборы. Ложки и вилки, – зачем-то объяснила она и смутилась еще больше.

– А-а. – Лин подхватил поднос, кивнул на непонятный ящик. – Извини, мы тут уже так привыкли, что не объясняем очевидное. Бери вот эти шарики, сейчас фокус покажу.

Когда все сели за стол (который складывался, прячась в стене, когда не нужен, – не волшебство, конечно, но хорошая находка для маленькой гостиной), каждый взял по шарик. В руках у Тайсы, Тео и Лина они сразу превратились в тонкие изящные вилки. Потом из других кусочков металла точно так же появились ножи и чайные ложки. Совершенно растерянная, Аста тоже взяла один шарик, но, сколько ни вертела его в руках, он оставался таким же круглым и гладким, как будто никогда не был ничем иным.

Заметив ее замешательство, Тео отдал ей свои приборы, а себе взял другие, объяснив мимоходом:

– Это меркара, живой металл. Он может быть чем угодно, если задать ему форму, причем не словом и даже не мыслью, а чувством. Почувствуй, что тебе нужно – и он станет твоим инструментом.

– Эм-м-м... Понятно. – На самом деле, пока ничего не понятно. – Его можно превратить во что хочешь?

– В пределах разумного. И зависит от веса – примерно один к одному. То есть из такого шарика локомотив не получится, но вот ножницы, отвертка или нож – вполне. Тут еще такое дело: меркара запоминает форму. Она лучше всего работает, если настроена на предметы одного вида – кухонная утварь там, инструменты... И когда ее берешь, надо ясно представлять себе, чего хочешь. А то, если думал про одно, а сделать хотел другое, забавные вещи получаются.

– Точно. Раньше вот было сложно, когда мечами дрались. – Лин свернул намазанный абрикосовым вареньем блин в трубочку, из мелких отверстий выступили золотистые капли. – Возьмешь с собой в поход такой шарик – чудесно. Ножны и ремень не нужны, места почти не занимает, превратить можно во что угодно... Но в бою на секунду отвлекся, подумал про обед – и раз, а у тебя в руке уже не меч, а поварешка.

Все засмеялись, а Тайса спросила, хитро прищурясь:

– С тобой такое тоже случилось?

– Нет, к счастью. Я учился уже с кризантой, она всегда то, что есть.

Тут Аста вспомнила, как долго рассматривала оружие Томаса на его фотографии, гадая, что это такое. На правой руке у Лина был точно такой же браслет – восьмиконечный цветок из металла со сверкающими острыми лепестками. Тяжелый, наверно, но Лин не снял его даже на время еды – видимо, таковы правила. И такие же, как у Томаса на фото, круглые темные очки висели на шее, на кожаном ремешке. Аста немного поколебалась, потом спросила:

– Эта штука, кризанта... Что ей делают?

– Когда нужно драться, ее сдвигают на кисть. – Лин отвлекся от очередного блина, сдвинул браслет на костяшки пальцев, сжал кулак, помахал рукой – точным, хорошо отработанным движением.

– Ага. – Аста честно пыталась понять. – И что потом? Бьют, как кастетом? А очки зачем?

Лин поднял брови:

– Ого, какие у тебя познания в драках. Нет, тут все по-другому, просто...

Дед недовольно нахмурился.

– Так, давайте за столом без оружия, – сказал он внуку. – Хоть где-то от него отдых должен быть.

Лин спрятал браслет под рукав и шепнул Асте:

– Потом объясню.

Ирис крутилась тут же, у ног, задевая всех пушистым хвостом и крыльями, – но не навязчиво, как это иногда делают домашние животные, а так, что было даже приятно. Конечно, из каждой рук она получила лакомство, а наевшись, уселась неподалеку, наблюдая за людьми и

утирая лапой блестящую от масла мордочку. Когда от блинной башни остался один фундамент, Тео сказал:

– Лин, у тебя вроде была к Асте какая-то просьба.

– Да. Видишь ли... Мы ищем сына Беатрис, нашей сеньоры. Он где-то в Риттерсхайме, но никто точно не знает где. Ему сейчас девятнадцать. Два года назад он ушел из дома во внешний мир и с тех пор тут не появлялся. Сложная семейная история... Но дело не в этом. Арна хочет его видеть. Он должен прийти к ней и послушать, что она скажет. А если не придет, то... Не знаю, что тогда будет, но просто так она ничего не требует. И наш город под ее защитой. Так что надо найти этого парня, и побыстрее, раз она сказала. Это очень важно.

– И ты хочешь, чтобы я его нашла?

– Я хочу попросить тебя помочь с поисками. Ты, как я понял, хорошо знаешь город и родилась там, правильно?

Аста кивнула.

– Ну вот. По последним сведениям, он поступил в какой-то университет. Но куда, на какую специальность – не знаю. У него есть внешний паспорт – его можно получить, но это сложная процедура, не буду вдаваться в детали... Но из-за него мы не знаем даже, под какой фамилией он там живет. Имя он вроде оставил свое.

– Как его зовут?

– Эрик. Невысокий, худой, светлые волосы... Дед, у тебя есть фото?

– Есть. Школьное, правда, со старших классов, но, думаю, он не сильно изменился.

– Хорошо... В общем, если ты подключишься к поиску, ты окажешь нам огромную помощь – не только мне и сеньоре, но и всему городу. Понимаю, мы и так у тебя в долгу, но... Сейчас любое содействие неоценимо.

– И что мне с ним делать, если найду?

– Ничего. Просто передай, что его здесь ждут: Арна ждет и мать. Остальное предоставь мне. Не бойся, он не опасен, насколько я знаю. Просто дурак.

– Иногда это хуже, – вздохнула Тайса.

Аста задумалась.

– В Риттерсхайме четыре университета, у каждого по два-три кампуса, – сказала она, вспоминая. – Мы готовим путеводитель для студентов, и когда рассчитывали, какой спрос, выяснили, что их там – около семидесяти тысяч человек. Тьма народу, даже если искать с именем и фотографией. Знать бы хоть примерно, на какой факультет он мог поступить? У него есть какие-нибудь... эм-м-м, склонности?

Лин усмехнулся:

– Из того, что я о нем знаю, он склонен создавать людям проблемы и требовать к себе особого отношения. Но, боюсь, нам эти сведения не помогут.

– Не очень. Но хотя бы что-нибудь? Я же не могу обыскать все факультеты. – Она повернулась к Тео. – Может быть, вы что-то помните? Если он здесь ходил в школу, то, значит, был на ваших уроках? Что его интересовало?

– Был, конечно, – подтвердил историк. – Но не помню, чтобы его что-то особенно интересовало, – учился он очень неохотно. Хотя... Ему не нравились наши парящие дома, и он несколько раз говорил, что построит себе обычный, на земле, и даже готов этому учиться, если бы преподавали. Вот! Может, архитектура и градостроительство? Но я не уверен, это давно было.

Хм... Архитектурных факультетов в Риттерсхайме всего два. Не факт, конечно, что они мыслят в верном направлении, но можно было бы с этого начать...

– Хорошо, – согласилась Аста. – Я попробую помочь. – И, не удержавшись, добавила: – Искать пропавших без вести – мое хобби...

...И еда сразу сделалась безвкусной, и солнечный день за окном будто померк, и незнакомый дом со всеми его странностями вдруг начал раздражать. Так, ладно, только спокойно. Только не плакать за столом – не для этого же они здесь собрались...

Тайса приобняла Асту за плечи, заметив, как заблестели ее глаза, и предложила:

– Пошли сейчас с нами прогуляемся? Мы тебе город покажем.

– С удовольствием, но я в таком виде...

Лин окинул ее взглядом и флегматично прокомментировал:

– Местных жителей сложно чем-то напугать.

Тайса посмотрела на него с укором, покачала головой.

– Я дам тебе платье, – сказала она Асте. – Я здесь недалеко живу, как раз по дороге. А потом пройдемся до площади и съедим по мороженому. Идет?

– Спасибо... Да, конечно. Пойдемте.

Тео решил остаться дома – у него было еще много дел, – и все помогли ему убрать со стола. Мыть приборы из живого металла оказалось очень просто. Когда ими не пользовались какое-то время, меркара теряла форму, так что оставалось только прополоскать шарики в мыльной воде, а потом в чистой и высыпать в ящик на полотенце. Асте это понравилось – она не любила мыть посуду. Похоже, арнэльмцы знают толк в чудесах. Многие вещи здесь не только удивительные сами по себе, но еще и полезные. Впрочем, честно ли ждать от каждого чуда пользы?..

Потом она ушла вместе с Тайсой и Лином, чтобы впервые, без спешки и в сопровождении своих новых друзей, увидеть Арнэльм.

* * *

...Солнце. Слишком яркий свет, ничего не видно. Впрочем, не надо видеть – весь путь отмечен внутри, в глубине сознания, и точно известно, что произойдет.

Когда-то давно они жили при солнце, радовались ему. Как все люди, устраивали праздники в его честь. Теперь солнце ненавистно, оно враг. Оно не прощает предательства – тех, кто променял его свет на силу ночи, на то, чтобы стать тенью. Свет безразличен, он светит всем без разбора – и правым, и виноватым, но все страдают по-разному... Так нечестно. Здесь все нечестно, в этом городе, – земля, незаконно отнятая, люди, живущие на ней, и река... Но река далеко, она не успеет потушить огонь.

Хорошо, что тень в тени неразличима. Вековые деревья укрыли ее от глаз людей, иногда проходивших по переулку. Ждать. Днем здесь много народу – идут в магазины, продают еду, посиделки устраивают... Ждать, пока соберется побольше людей. И тогда...

Глава 4

Так странно бывает попасть в новое место. Не любопытным туристом, не праздным охотником за зрелищами, а отчаявшимся беглецом, ищущим убежище. Запоминать названия улиц, но ходить по немощеным тропкам, как ходят местные, – так быстрее. Примерять одежду с чужого плеча, не имея своей, принимать еду из незнакомых рук. Удивляться на каждом шагу, забыв про страх. Заглядывать в будущее – какое оно? Что таит в себе новое место, какие подарки в нем приготовлены, какие капканы спрятаны? Как сложится мозаика новой жизни – пазл, картинка к которому нет?..

– Ну что? – Тайса отошла подальше к окну, давая Асте место перед большим овальным зеркалом на стене. – Как тебе размер?

Аста, одетая в длинное белое платье с серо-голубой подкладкой, подошла к зеркалу, осмотрела себя со всех сторон. Платье сидело прекрасно. Они с Тайсой похожи фигурой – обе худые, с узкой костью, но Тайса выше на полголовы, так что рукава немного длинноваты, но в целом очень даже хорошо. Ткань незнакомая, но такая приятная на ощупь – вроде шелка, но плотнее и без блеска. И швов не видно совсем.

– Его можно носить другим цветом наружу. – Тайса обошла Асту полукругом, поправила завернувшийся воротник. – Здесь часто шьют двустороннюю одежду, для разнообразия.

– Здорово. – Аста чувствовала себя неловко – от щедрости почти незнакомого человека, которую, как ей казалось, она ничем не заслужила. – Необычно, как из сказки. Но мне нравится.

– Плюс этой одежды еще и в том, что в ней тебя не замечают во внешнем мире. Совсем невидимкой не становишься, но взгляды скользят мимо. Не знаю почему – наверно, тем, кто не отсюда, сложно поверить в наше существование. Хотя меня замечают чаще, чем других, – ведь я там работаю и общаюсь с местными, поэтому как бы часть внешнего мира.

– То есть ты живешь здесь, а работаешь там?

– Да, живу в двух мирах. И мне нравится! Нравится Риттерсхайм – там не так плохо, как мы привыкли думать. Он шумный, конечно, напряженный, я от него устаю, но там много интересного. Жалко, Лина туда почти не вытащишь.

– Вы давно вместе? – спросила Аста и тут же осеклась. – Извини, если здесь о таком нельзя спрашивать...

Тайса улыбнулась:

– Здесь можно спрашивать обо всем, что тебе интересно. Но также можно не отвечать, если не хочешь, – граница у каждого своя. Ты привыкнешь. А с Лином мы дружили с военной школы – познакомились, когда я проходила подготовку со своим классом, а он там преподавал первый год. А помолвлены с зимнего солнцеворота. Это самая длинная ночь, у нас она часто самая страшная в году...

Ее улыбка исчезла, по светлому лицу пробежала тень, и отголосок какой-то давней боли мелькнул в глазах, отраженных в зеркале, – как отблеск лезвия, увиденного в последнюю секунду перед ударом. Какие обстоятельства предшествовали этой клятве быть вместе? Надежались ли они оба дожить до утра, увидеть друг друга? Какие испытания уже пережила их любовь, какие еще переживет? Ведь Лин – начальник обороны, один из тех, кто первым встречает опасность...

И Аста решила, что нечему тут завидовать. Эти люди и так уже сделали для нее больше, чем можно было ожидать, – надо быть за это благодарной.

Желая поскорее сменить тему, Аста скользнула взглядом по комнате и тут же забыла обо всем на свете. На полке у зеркала лежало сияющее облако – кусочек августовского темного неба, почти уже осеннего, но ясного, с россыпью звезд... Она осторожно указала рукой в сторону чуда, спросила шепотом, боясь спугнуть:

– Ой, что это?

Тайса подхватила облако за край двумя пальцами, и оно развернулось в большой платок глубокого синего цвета, с бледно-голубыми и черными переходами – тонкий, почти прозрачный. На нем сверкали созвездия, и Млечный Путь светлым ручьем тек по диагонали из одного угла в другой.

– Это Звездное Небо, я купила его на ярмарке в прошлом году, у одного приезжего мастера. – И, пока Аста, затаив дыхание, наблюдала за чудом, Тайса накинула платок ей на плечи, завязала спереди красивым узлом, затем откинула голову, полюбовалась. – Слушай, тебе идет больше, чем мне. Я ношу Золотой Закат, от того же мастера, а этот купила в пару, потому что он красивый – не удержалась, ну, как обычно... А потом почти не носила – к моим рыжим волосам он не очень идет, я Закат больше люблю. – И вдруг предложила: – Хочешь, я тебе его подарю? Он к твоему имени очень подходит: Аста значит «звезда» на каком-то старом языке. Лежал тут целый год, как будто тебя ждал...

Счастливая, Аста поблагодарила Тайсу, не отрывая взгляда от своего отражения в зеркале. Мягкий звездный свет и удачный оттенок, в тон темно-серым глазам, преобразили лицо до неузнаваемости – усталое и изможденное от горя и болезни, оно теперь так и сияло.

Тайса подобрала волосы Асты так же, как и себе – заколола высокий узел деревянной шпилькой (заметив по ходу дела, что шпильки – вещь нужная, их можно купить в хозяйственной лавке на площади, – удобные, крепкие, и стоят копейки, но теряются часто).

Потом вместе они вернулись в гостиную, где их дожидался Лин, устроившийся на диване с книгой. Ирис лежала у его ног на пестрой плетеной дорожке.

– Мы готовы, – сказала Тайса. – Ты тут не скучал?

– О нет, я хорошо провел время. Первые сто лет промелькнули незаметно, а потом я сбился со счета и начал ставить зарубки на стене.

Тайса вздохнула, привычно покачала головой в ответ на иронию и заметила:

– Между прочим, наряды важны в беспокойные времена. Особенно в беспокойные – чтобы не терять вкус к жизни.

– Прекрасно. Это хороший повод наконец-то выйти из дома...

Вчетвером – Ирис увязалась с ними – они отправились через весь город к площади. Аста шла за своими новыми друзьями, не следя за дорогой, вертя головой в разные стороны – было на что посмотреть! На людей в непривычной одежде, которые улыбаются приветливо, но сдержанно. На дома, зависшие над землей. На деревья, парящие вместе с корнями в некоторых садах – бледно-голубые с синими листьями, отливающими серебром.

– Это из тех самых Летающих Лесов? – спросила Аста, указав на одно дерево с нее ростом, мимо которого они как раз проходили.

– Да. – Лин мимоходом коснулся ветви – листья тонко, еле слышно зазвенели. – Эти деревья для нодийцев священные, а мы, видите ли, строим из них дома. На самом деле мы тут же высаживаем новые и вообще заботимся о лесе, но кого это интересует... В их глазах мы варвары.

– А зачем вам такие дома? Или это просто такая традиция?

– Скорее историческая необходимость. Если тут станет совсем опасно или если Арна скажет нам уйти, как сказала им, – ну, мало ли что, – дома можно забрать с собой или временно перенести на другое место. Просто убираешь лестницу, привязываешь веревку – и тянешь за собой, как воздушный шарик. Удобно.

– Хм... А как же водопровод, электричество и все остальное?

– Все на месте. В каждом доме есть два бака с водой – с чистой и с использованной. Здесь в земле проложены трубы, к ним можно подключаться, чтобы слить или набрать воду... Главное, не перепутать краны. Свет собирают солнечный – прямо или с деревьев, топят шерстью – я тебе показывал – или дровами. Готовят на огненном камне – он вступает в реакцию

с некоторыми металлами, выделяет тепло. Свечи еще, но это больше для уюта. Романтика на поле битвы...

– Да уж, романтика... Объясни про нодийцев, – попросила Тайса. – А то у нее сложится впечатление, что мы себя считаем лучше, чем они.

– Мы не считаем. – Лин поправил на руке тяжелый браслет. – Мы не лучше и не хуже. Мы просто другие. Наши предки пришли на это место, никем не занятое, река разрешила им остаться... Они и остались. Мы – их дети и живем теперь, как умеем. И признаем право других жить так же. Нодийцы – тоже не дикари, не глупые бандиты. Это наследники тех, кто жил при князе Эльме, очень развитый народ. Медицина у них – главное искусство, после войны. Конечно, с тех пор как они с Арной поссорились, она больше не дает им свою силу, но они и без нее далеко шагнули. Они владеют ремеслами, в особенности хорошо горным и ювелирным делом. То есть в целом это умные люди... Хотя многие из них лишь наполовину люди, но не важно. Я бы ничего против них не имел, если бы они оставили нас в покое.

– Разве вы не пробовали с ними договориться?

– Пробовали. Но из наших дипломатов ни один не вернулся. Ничья их не устраивает – они хотят вернуть эту землю себе и найти сокровище. Они им одержимы. И, пока не найдут его и не выгонят нас отсюда, не успокоятся.

– Выходит, они думают, что тот камень-сердце все еще где-то здесь?

– Они не думают, – вздохнула Тайса. – Они знают. И мы знаем. Арна так сказала.

* * *

Они дошли до площади – большой, идеально круглой. По окружности выстроились магазины со всякой всячиной. Здесь продавали хлеб, сладости, книги, хозяйственные мелочи и даже елочные игрушки. За витриной, увешанной сияющими шарами и разноцветными гирляндами, Аста заметила нескольких покупателей. В воздухе витал аромат свежей выпечки и деревянной стружки. Брусчатка, отглаженная миллионами ног, блестела на солнце, и в ясном майском небе плыли, будто заблудившись среди бескрайней синевы, два маленьких облачка.

Тайса ушла за мороженым. Лин и Аста присели на скамейку под деревом, которая тоже парила в воздухе, – гладкая доска без ножек и креплений. Ирис улеглась рядом на земле.

– Думаю, ты здесь приживешься, – сказал вдруг Лин. – Тебе идет местная одежда. И вы с Тайсой так хорошо смотрите. Подружитесь, может.

– Надеюсь. – Аста запрокинула голову, посмотрела в небо сквозь листву. – Она чудесная. Наверно, у нее много друзей...

– Друзей много не бывает. – Лин наклонился, почесал Ирис за ухом и добавил задумчиво: – Ей нужны друзья. Она намного сильнее, чем кажется, и слабее тоже. Как-то у женщин это одновременно – и то и другое, меня это всегда удивляло...

Вернулась Тайса, раздала всем мороженое. Ирис тоже получила свою порцию с двумя сливочными шариками и ела, зажав вафельный рожок между передними лапами и слизывая мороженое длинным языком.

– Ой, а сколько оно стоит? – спохватилась Аста. – Какие у вас тут деньги вообще?

– Сегодня я угощаю. – Тайса вынула из маленького кошелька на поясе две монетки, протянула на ладони. – А деньги – серебро и медь, простая чеканка по весу. Так во многих местах, скрытых на картах, – удобно, не надо менять, когда путешествуешь. Бывает еще золото, но это на очень дорогие приобретения, вроде дома или лошадей. Хотя некоторые торгуют и в валюте ближайшего города – то есть в нашем случае в евро. В основном те, кто время от времени там бывает.

– Понятно. А мороженое тоже какое-нибудь... м-м-м, волшебное, как все тут?

Тайса даже рассмеялась:

– Не бойся, оно не улетит! Оно самое обычное, сливочное и фруктовое. Но вкусное – я его иногда для нашего кафе заказываю. Попробуй.

Асте досталось малиновое с абрикосовым – розовый и бледно-оранжевый шарики в крапинках свежих фруктов. Давно забытый вкус детства, такого солнечного и волшебного.

Старый сад у бабушки, тенистый малинник за домом – темные, почти синие резные листья на фоне выбеленной стены, сладкие ягоды, оставляющие на пальцах капли сока. Томас набирал в ладонь самых крупных, сколько мог удержать, а потом подносил сестре ко рту и говорил: «Подъезжает грузовик, открывайте ворота!», и Аста, зажмурившись, проглатывала ароматную малиновую горку – сок растекался по губам, капал на платье – ох и нагорит опять от мамы, но разве это важно... Она утыкалась лицом в теплую братову ладонь, чувствовала его запах – такой чужой уже запах взрослой жизни, большого серьезного мира, в котором она пока не была... И еще чего-то совсем детского, простого. Так пахнут разогретые солнцем волосы, мамыны оладьи, папины формочки – они используются для литья разноцветных свечей на Рождество... А у крыльца падали на покатулю, крытую серым волнистым шифером крышу крупные бархатные абрикосы. Падали, ударяясь о мох, которым крыша поросла за многие годы, скатывались вниз, в траву. Аста с братом собирали их в ведра, а потом вместе с бабушкой садились выбирать косточки, складывать в большую кастрюлю сочные половинки. На сушику, на повидло... И зимой потом пили чай с этим повидлом, вспоминали теплые дни – и вдруг все летние запахи оживали в одной ложке. И где-то там, на границе этих запахов – дома и внешнего, чужого мира, на границе детства и юности, – Томас ушел, а она осталась... И никогда с тех пор малина не была такой вкусной.

– ...Эй. Ешь, а то примерзнешь, – донесся до нее голос Тайсы.

– А?.. – Она как будто очнулась от яркого сна. – Да, я ем... Очень вкусно. Слушай, а насчет того, что река сказала: сокровище здесь... Это как понимать?

– Да как хочешь понимай, – отозвался Лин. – Арна не объясняет – она пророчествует, дает советы или указания, а разбирать их приходится нам. Люди в возрасте, вроде моего деда, умеют это лучше всех – жизненный опыт, но даже они иногда понятия не имеют, о чем речь. Вот как в этом случае.

– Она сказала, – Тайса откусила от своего шоколадного мороженого, промокнула губы салфеткой, – что сокровище на том же месте, что и всегда. На каком – никто не понял. Сначала оно было у нее, потом его забрал сын купца, потом начался пожар... Так сказано в легенде. Какое место «то самое» – непонятно. Но так получилось, что нодийские разведчики узнали о словах реки еще лет двести назад, как только наш народ здесь поселился. Я правильно рассказываю? – Она повернулась к Лину, тот кивнул. – С тех пор нодийцы думают, что Сердце Эльма все еще в нашем городе, там, где раньше стоял дом купца и его жены – той, которая захотела камни. Но так как от Эльмбурга ничего не осталось, кроме крепости, найти это место невозможно, вот они и рыщут повсюду.

– Кроме крепости? – переспросила Аста, вспомнив рассказ Тео. – Той, которая с парящими башнями?

– Да, кроме нее. Она за рекой, на другом берегу возле леса, на холме. Раньше там пролегла дорога к горам, но уже давно заросла, конечно, хотя следы от колес найти можно и башни далеко видно. Можем как-нибудь сходить посмотреть, – предложила Тайса, а Лин добавил:

– Но только одна не ходи...

Аста собиралась ответить, что, конечно же, не пойдет, но ей очень-очень хочется посмотреть крепость и особенно башни, но тут раздался крик – пронзительный женский крик, потом еще один. Толпа на площади охнула и разлетелась, люди кинулись в разные стороны.

Почему-то совсем не испугавшись и продолжая сжимать в руке вафельный рожок, Аста вскочила со скамейки и посмотрела в ту сторону, откуда доносились крики. Посреди площади, разом опустевшей, под ярким солнцем стоял человек. Лица его, скрытого капюшоном, не было

видно, а широкие рукава накидки палевого цвета горели снизу – языки пламени тянулись вверх, колыхались в безветренном воздухе. Рядом на земле лежал пожилой мужчина – видимо, кто-то из местных жителей, и по серой брусчатке расплывалась темная лужа крови.

На мгновение картина застыла, потом человек в накидке взмахнул одним рукавом – и полотняный навес булочной, что была справа, тут же загорелся; взмахнул другим – вспыхнуло раскидистое молодое дерево на краю площади. Кто-то кинулся тушить пожар, на ком-то занялась одежда. В этом смятении Аста не заметила, куда делся Лин, а потом увидела его в центре площади. Он увернулся от человека в накидке – раз, другой, третий, потом замахнулся – кризанта на руке засветилась восемью лучами. Этот свет был ярким даже на солнце и каким-то другим, как будто более плотным. Лучи описали в воздухе дуги, похожие на сверкающие лезвия, и...

Кто-то закрыл ей глаза – потная ладонь пахла табаком и сталью, но даже сквозь темноту увиделось, как впереди полыхнуло нестерпимо ярко. Сильная рука схватила ее поперек тела, поволокла назад. Аста выронила мороженое, стала инстинктивно вырываться – и ее тут же отпустили.

– Все, все. – Перед ней стоял молодой мужчина в полотняной безрукавке, открывавшей крепкие загорелые руки, и штанах из грубой ткани, с карманами на бедрах. – Извини, не сильно придавил? На кризанту нельзя смотреть в момент контакта – глаза сожжет. Ты откуда?

– Она из Риттерсхайма, первый день здесь. Спасибо, Свен. – Тайса появилась сзади, приобняла ее за плечи. – Ты что? Куда ты побежала? Мы тебя потеряли.

– Я не... – Аста огляделась. Она стояла шагах в тридцати от скамейки, рядом с магазином елочных игрушек. Почему-то мозг не засекал перемещение в пространстве – наверно, она кинулась в сторону, когда загорелось дерево. Теперь его ветви дымились – пожар успели потушить. Навес булочной сгорел почти полностью, но само здание не пострадало. Аста посмотрела на площадь – рядом с пожилым мужчиной на земле сидела, закрыв лицо руками, молодая женщина, вокруг стояли еще несколько людей, которым Лин давал какие-то указания. Человека в накидке не было видно – от него остался лишь пепел.

– Пойду помогу булочнику, – сказала Тайса. – И гляну, есть ли еще пострадавшие. Скоро вернусь. Аста, пожалуйста, никуда не уходи. Если что – держись вместе со всеми.

– Аста... красивое имя. Я ее постерегу, – пообещал Свен и, когда Тайса ушла, спросил: – Так ты из внешнего мира?

– Угу. – Язык как замороженный, слова не выговоришь.

– Давай отойдем.

Свен взял ее под руку, отвел к той же лавочке, на которой она сидела несколько минут назад. Аста рухнула на нее так, что даже доска покачнулась, – ноги подкашивались. Она уставилась в пространство перед собой и спросила безо всяких эмоций:

– Он мертв?

– Нодиец? – Свен присел рядом. – Однозначно. Не волнуйся.

– Мужчина. Который лежал.

– Старый Зигберт... Боюсь, что тоже да.

– Это... это... Но как же так? – В голове поднялся целый вихрь вопросов – так не вязалась картина красивого волшебного города с тем, что только что произошло. – Мне говорили... Они только ночью нападают...

– Вот это да, загадка. – Свен взъерошил на затылке светлые, соломенного цвета, волосы, прижатые тканевой повязкой. – Это первый раз за всю мою жизнь, чтобы днем, при свете солнца... Не знаю, что тебе сказать.

Подожел Лин, Аста подняла на него глаза – наверно, полные ужаса, но ей было не до того, чтобы думать, как она выглядит.

– Свен, проводи ее, пожалуйста, – Лин кивнул на Асту, – до дома моего деда. И проследи, чтобы дошла, никуда не влезла.

Еехватило только на один вопрос:

– А Тайса?..

– Я бы и Тайсу отправил, но ее не заставишь.

– Конечно, провожу. – Свен поднялся. – Мне потом вернуться, помочь чем-то?

– Не надо. Мы уже обыскали все вокруг, нигде никого. Сейчас прочедем город, а вечером, часов в шесть, будет общий сбор всего резерва – туда приходи. Обсудим, что теперь делать....

* * *

Аста, уже немного отойдя от потрясения, порывалась тоже остаться и чем-то помочь, но Свен был непреклонен, хотя и улыбался при этом:

– Начальник сказал домой – значит, туда и доставлю.

Пришлось подчиниться и пойти за ним.

– Лин – твой начальник? – спросила она, когда площадь осталась позади.

– Не совсем. Вообще-то, я не защитник, а кузнец. Но в резерве, поэтому подчиняюсь военным в такой ситуации.

– Ух ты. Тот самый кузнец, который делает сковородки? – брякнула Аста неожиданно для себя и почувствовала, что покраснела.

Свен рассмеялся.

– Да, и сковородки тоже. Но в основном другие вещи, в том числе и это. – Он поднял правую руку с кризантой. – Вообще, те, кто в резерве, ее редко носят, но меня она хорошо слушается, и так даже привычнее. Ну и надежнее, если что.

– И как ей управлять? Если это, конечно, не стратегический секрет...

– Это не секрет, но объяснить словами сложно... Этот металл – особый сорт меркары – ты уже знаешь о ней?

Аста кивнула.

– Но его сила – не в движении, а в свете. Он растет в земле такими правильными восьмиконечниками – я только шлифую немного, – и его свет может сжечь что угодно. Есть особый ритуал, как надо добыть кризанту и создать связь, – она будет слушаться только своего хозяина. И потом много-много тренироваться.

– А если хозяин погибнет? Что будет с его оружием?

– Обычно оно рассыпается в прах, уходит обратно в землю, чтобы когда-нибудь родиться снова. Но бывают кризанты – очень редко, – которые имеют нескольких владельцев. В основном родственников – например, отца и сына. Это большая ценность, семейная реликвия, но и она исчезнет, когда ее путь завершится...

В отличие от сдержанного, иногда резкого на слово Лина, Свен говорил охотно, легко и часто улыбался. И чувствовалась в нем огромная, но спокойная и добрая сила.

За беседой Аста не заметила, как они снова оказались на окраине Арнэльма, у дома Тео. Она поблагодарила Свена за сопровождение, и он снова улыбнулся:

– Приятно было познакомиться. Надеюсь, ты у нас останешься.

– Ох. – Тут она вспомнила, что ведь еще ничего не решилось, и заволновалась. – Посмотрим. Это как ваша сеньора скажет. И Арна...

– Я думаю, ты им понравишься. Как и местным жителям. Некоторым из них... Хм... – Он отвел взгляд, потом кивнул в том направлении, откуда они только что пришли. – Моя мастерская слева от площади, вниз по улице, почти у самой реки. Заходи, если понадобится сковорода. Или еще что-нибудь...

Уже простившись со Свенном и взявшись за кольцо на двери, Аста вспомнила, что нигде не видела Ирис с тех пор, как они все вместе ели мороженое. Куда она пропала, не случилось ли чего-нибудь?

– Наконец-то! – Тео распахнул дверь сразу после стука, а вслед за ним показалась любопытная лисья морда. – Я уже хотел идти вас искать. Она вот только что прилетела, вся перепуганная. Что там стряслось?

Аста рассказала – насколько сумела понять произошедшее. Уже в прихожей, шагнув наконец под крышу дома, она вдруг ощутила такую усталость, будто все это время носила тяжелый мешок, и пошатнулась, схватившись рукой за стену.

– Всевышний и здешние, да ты на ногах не стоишь...

«Всевышний и здешние». Аста уже привыкла к этой фразе и знала, что так арнэльмцы обращаются не только к богу – творцу мира, но и к местным духам – покровителям природных стихий и домашнего очага, которые считаются его помощниками.

Тео провел ее в гостиную, усадил в уже знакомое кресло. Сам сел напротив. – Н-да... Первый раз я такое слышу, чтобы они днем напали. Огнем, говоришь, бросался?

– Да. И убил мужчину. Не знаю чем, но была кровь.

– Бедный Зигберт. – Тео покачал головой. – Сколько он ночных налетов пережил, чтобы вот так, среди бела дня... Странно это. Очень странно.

– Может, это не нодийцы?

– Да кому ж еще быть, как не им. Точно их посланец, и одежда палевого цвета, и огонь... Вот только как он сюда пробрался днем – не пойму. – И дед вдруг нахмурился. – Не к добру это. Сейчас уже знаю – не к добру...

Глава 5

Поселок Нод, насчитывавший в начале своей истории десятка три землянок, превратился со временем в небольшой город, но все равно выглядел пустынным. Низкие дома из серого камня, маленькие окна, наглухо закрытые грубо сколоченными ставнями, холодный ветер с горных вершин, гуляющий по безлюдным улицам. И только длинные ряды стеклянных теплиц, безусловно чистых, с ухоженными растениями, говорили о том, что их касается человеческая рука. Теплицы были выстроены на самом солнечном месте посреди долины, и от них к домам, скрытым в тени горы, вела целая сеть тропинок.

Под вечер, когда тени становились сумерками, городок оживал. Но странная это была жизнь.

Ким сидел на пороге дома и наблюдал, как в долине одно за другим загораются окна. Отсюда, со склона, ему хорошо было видно почти весь город и главную улицу, уходящую вдаль, к теплицам. Привычная с детства картина, изученная до мельчайших деталей. Взгляд на ней не задерживался.

Стружка тонкими завитками ложилась к ногам, обутом в ботинки из оленьей кожи. Ким на минуту отвлекся, поднял перед собой деревянное копьё вверх острием, осмотрел придирчиво. Пожалуй, сойдет. Слишком тонко лучше не делать, еще обломится. Таким хорошо ловить рыбу в бурном потоке – а промахнешься, ударишь по каменистому дну, так небось и выдержит. Конечно, рыбную ловлю не сочтут за дело, мать опять будет недовольна, но... Зато можно хотя бы на полдня отсюда убраться. Горная речка шумная и словоохотливая, но ничего не понять из ее языка – она не говорит с людьми. Где-то далеко внизу она встречается с Арной, и, кто знает, может, даже рассказывает ей о нем, о Киме. О том, что он иногда рассказывает ей, когда словам в его голове становится слишком тесно. Подчас, оставшись один, он пытался представить, как изменится его жизнь после посвящения. Будет ли в ней дневной свет или его отнимут совсем и останется только вечная ночь... И война? Но представить не получалось. Истории старших только запутывали, а видеть будущее он не умел.

Присутствие человека за своей спиной Ким почувствовал раньше, чем услышал его голос. Бесшумные шаги, казалось, выдавали идущего самым движением воздуха – резким, напористым, будто рассекаемым лезвием. Когда брат подошел и встал рядом, Ким даже не повернул голову и сделал вид, что очень занят.

Давид постоял немного, наблюдая за ним, потом сказал:

– Мать зовет.

– Что-то новое? – отозвался Ким без особого интереса, продолжая отглаживать дерево лезвием ножа.

– Не знаю. Она нас вместе зовет, чтобы поговорить. У нее час назад был старейшина с докладом по поводу сегодняшней атаки.

– Это представление все-таки состоялось?

– Видимо, да.

– И каков успех у зрителей?

– Говорю же тебе, не знаю. Пошли послушаем. – Давид наклонился, потянул брата за рукав куртки. – Идем. Я тебя так уговариваю, как будто тебя это не касается.

Ким вздохнул, отложил копьё и нож, поднялся, отряхивая со штанов стружку, и нехотя поплелся за Давидом в глубь дома.

Йоханна Лёвенберг, градоначальница Нода, ждала их в своей комнате, сидя в кресле у окна. Рыжие волосы, такие же, как у сыновей, в свете горящей на столе свечи отливали медью. Она повернула голову на звук открывшейся двери, потом медленно, с достоинством кивнула вошедшим – садитесь. Ким и Давид присели на узкую скамью у стены.

– Вылазка в Арнэльм прошла успешно, – сообщила им мать, глядя куда-то в пространство, как будто думая совсем о другом. – Все как было запланировано. Появление в людном месте, небольшой пожар, случайная жертва. Конечно, посланца убили через несколько секунд, но другого мы и не ожидали.

– И он смог пробраться в город так, что они его не заметили? – спросил Давид.

– Судя по всему, да.

– Отлично! И что теперь? – Давид даже в ладоши хлопнул, довольно потер руки, потом забросил ногу на ногу, устраиваясь поудобнее. Новость его явно воодушевила.

– Отлично. И что теперь? – повторил Ким слова брата со вздохом досады и усталости.

Мать внимательно на него посмотрела:

– Ким, ты как будто не очень рад?

– А чему тут радоваться? Потеря воина, расход сил, никаких новых сведений – кроме того, что этот дурацкий фокус с дневными путешествиями работает, – и все ради чего? Чтобы произвести впечатление?

– Ну, это ты умаляешь, мой дорогой. Произвести нужное впечатление в битве – это иногда половина победы, если не больше.

– Но мы же все равно не сможем так сражаться. Я имею в виду, все вместе. Нас перебьют за один раз.

– Да, но мы пока и не собираемся сражаться. Зато мы дали им понять, что теперь даже днем они не в безопасности.

– И это стоило нам жизни нашего человека. И всегда будет стоить, потому что даже если бы они его не убили, он и часа не прожил бы и точно не смог бы вернуться. И ты пошлешь туда еще людей. И это все ради того, чтобы произвести впечатление.

Госпожа Лёвенберг сжала тонкие губы, так что они превратились в одну полоску, бледный лоб перечеркнули морщины. Она произнесла с горечью:

– Твой отец тоже не смог вернуться. Надеюсь, тебя это достаточно впечатлило, чтобы понимать, зачем мы все это делаем. Но, конечно, мне остается только надеяться...

Ким опустил голову. Он слышал подобные слова не в первый раз и уже знал, что никакой из возможных ответов, даже самый резкий и язвительный, не уменьшит боли, которую они причиняли.

Давид мельком посмотрел на брата и осторожно предложил:

– Давайте о деле. Что теперь?

– Теперь мы закрепим наш успех. – Мать перенесла внимание на него, сразу вернув себе деловой тон и расслабленно опустив руки на подлокотники. – Мы устроим еще несколько вылазок, добровольцы уже есть. А остальные будут пока готовиться к основной битве.

– Мы не посылаем ночные отряды?

– Нет. Мы дадим арнэльмцам время перестроить оборону и разведаем, что получилось. Исходя из этого, будем действовать дальше... – Она сделала паузу. – Но есть кое-что еще.

Йоханна выждала, пока Ким, тоже заинтересовавшись, поднимет на нее глаза, и продолжила:

– Они сейчас ищут сына своей сеньоры. Он где-то во внешнем мире, но его должны привести к реке, потому что она хочет открыть ему какой-то секрет.

– Эрику? Этому балбесу? – удивился Давид. – Да что ему открывать, если он не живет там даже...

– Да, именно ему.

– А мы тут при чем?

– Очень может быть, что речь идет о сокровище.

– Да ладно? С какой стати она ему скажет о нем?

– Может, и не о нем, но в любом случае о чем-то важном.

– Я сомневаюсь, что этот парень чем-то важен. Но если и так, это легкая мишень – детям разве что побаловаться. Он даже военную школу не окончил, насколько я знаю. Так при чем тут мы?

– Я хочу, чтобы вы его нашли. Но не убивать. – Она подняла руки в запрещающем жесте. – Вообще не трогать и никак не показывать своего присутствия. Пусть придет к реке. Нам надо узнать, что она ему скажет, – для нас это может быть очень ценно.

– У-у-у, нам что, тащиться в Риттерсхайм? – Давид поморщился. – Терпеть не могу этот город. Там даже наша магия работает не вся, потому что воздух грязный и слишком много электричества. Как мы там будем перемещаться?

– Ничего, погуляете пешком, это полезно для здоровья, – утешила мать сыновей, слегка улыбнувшись, но улыбка тут же исчезла. – Ум прежде силы. Мы не знаем, с чем имеем дело, и это как раз нужно выяснить. Нужно, чтобы мы нашли Эрика раньше, чем арнэльмцы. И я на вас очень рассчитываю.

Уже в темноте Давид и Ким снова вышли на крыльцо. Нод в долине сверкал россыпью бледных огней, очерченный по кругу, как ожерельем, линией горящих факелов – постов ночной вахты. Ветер касался крон деревьев на склоне, те что-то шепотом отвечали ему, и пела, будто плакала в темноте, какая-то птица. Тихий вечер. Сегодня все отдыхают, никто из ночных воинов не покинет город.

Горничная уже вынесла лампу, повесила на крюк у двери. Запертый в стеклянную колбу мерцающий свет, украденный у первой весенней грозы, озарил лица братьев. Медные волосы с красноватым отливом, бледная кожа, острые выступающие скулы. Глаза разного цвета – у Кима левый глаз голубой, правый – золотисто-карий, у Давида – наоборот. Но на внешности их сходство заканчивалось. Если бы не оно, то никто не признал бы в них не то что близнецов, но даже дальних родственников. Ким, задумчивый, погруженный в себя мечтатель, и Давид, с его громким голосом, резкими движениями и желанием рваться вперед, не боясь препятствий, иногда чувствовали себя совсем чужими друг другу. И все-таки они были братьями, одной крови, связанные общим прошлым и землей – невидимой нитью, которая могла стать и спасением, и наказанием.

– Слушай, я это уже сто раз говорил, но скажу снова. – Давид запрокинул голову, посмотрел на усыпанное звездами небо. – Иногда я тебя совсем не понимаю, вот ни насколько. Зачем вся эта философия? Ты что, не хочешь, чтобы мы победили?

– Хочу. Но не хочу еще больше жертв.

– Если хочешь мира во всем мире, то ты родился не в то время, извини.

– Я не хочу мира во всем мире. То есть, конечно, хочу, но я не знаю весь мир, не видел его и вряд ли увижу. Но я вижу нас. И их. И иногда забываю, за что мы воюем.

– Когда забываешь, спроси меня, я тебе напомню. За право вернуться туда, откуда мы родом. За землю наших предков. За право жить как люди, а не прятаться от реки, как преступники, – из-за преступления, которого мы не совершали. Это достаточно веские основания?

– Это скорее оправдания. Основание может быть у чего-то, что строят, а мы только разрушаем.

Давид смотрел на него некоторое время молча, потом потряс головой, как будто не веря своим ушам.

– Честное слово, иногда я за тебя боюсь. Если бы ты не был сыном градоначальницы, то за такие разговоры тебя бы давно отправили к предкам. Те, говорят, были любители пофилософствовать...

– Разве наши предки были такими, как мы, Давид? Разве светлый князь Эльм, во имя которого мы воюем, Сердцем которого клянемся, – разве он был таким, как мы? Разве он полюбил бы наш народ, узнав его таким? Я иногда думаю, если бы он видел, что стало с его городом... может, вымолил бы у Арны для нас прощение.

Давид покачал головой.

– Она не простит. Пока не вернем ей сокровище, не простит. – И вдруг почти с отчаянием воскликнул: – Брат, ну ты что? Ты же видел эти сны, именно ты их видел. Неужели теперь не веришь?..

Сны... Ребенком он часто видел один и тот же сон. В ясный погожий день он играет у реки, пуская по воде плоскую гальку. Вдалеке, на другом берегу, виднеется Арнэ́льм с висящими в воздухе домами. И вдруг один из камушков, запущенных по речной глади, достигает берега – и за ним тянется сверкающий рубиновый след. Ким идет по нему, как по тропе, – вдруг оказывается, что там совсем неглубоко, – и почему-то старается не смотреть под ноги, знает, что нельзя. Но на середине пути все-таки опускает голову и смотрит. И там, под водой, видит огромный красный рубин в форме сердца. Наклоняется, тянет к нему руку – и рубиновая вода превращается в мутную, кровавую. Воды становится очень много, она захлестывает Кима, он начинает тонуть, задыхаться... И просыпается.

Один из старейшин, которому мать рассказала этот сон, истолковал его так: Ким станет одним из тех, кто найдет Сердце Эльма. Но для этого ему потребуется немало смелости, и, возможно, будет стоить ему жизни.

– Я просто теперь не знаю, что они значат. – Ким наклонился, подобрал свое копье и нож, посмотрел на лезвие в свете лампы – по гладкой стали заскользили блики. – У меня в этих снах всегда было такое чувство, что я вот-вот что-то пойму – может, если дам себе захлебнуться, – но всегда просыпался раньше. Там было что-то такое... Какая-то подсказка, ответ... Но я так и не смог его услышать.

– Все очень просто. – Давид похлопал его по плечу. – Грезы и вещие сны – это еще не ответ. Надо действовать. Так отец говорил.

– Я помню.

– И ты все еще винишь его, да?

Ким задумался, долго молчал, а потом покачал головой:

– Нет. Давно уже нет. Это был его выбор – умереть за то, во что он верил. Я его не виню. Но я ищу другой путь.

– Да? И что это за путь?

Ким посмотрел на него сквозь темноту – и Давиду навсегда запомнился этот взгляд, полный какой-то болезненной, неутолимой жажды. В глубине глаз, разных по цвету, светились одинаковые искры, как отблеск далеких звезд.

– Жить, – сказал Ким еле слышно. – Я ищу способ верить так, чтобы жить.

Высоко в небе, в бездонной темноте мелькнул огненный хвост метеора. Вспыхнул на мгновение и растаял без следа.

Глава 6

Аста переночевала у Тео в гостевой комнате – той самой, где отдыхала накануне. Тайса принесла ей некоторые вещи, дед хмыкнул, взглянув на объемную матерчатую сумку, и немного порассуждал насчет того, сколько же всего необходимо прекрасному полу, чем насмешил обеих девушек.

После длинного, полного событий дня Аста отправилась спать очень рано, а проснувшись утром, никого не обнаружила дома. Но вскоре Тео вернулся и объявил, что сейчас разговаривал с сеньорой и сегодня в два часа дня она ждет Асту у себя в ратуше.

– Поговорите немного, познакомьтесь, тут так принято, – объяснил он, выкладывая на кухонный стол покупки из плетеной корзины: бутылку молока, половину пшеничного хлеба и еще что-то, завернутое в промасленную бумагу. – Думаю, сложностей быть не должно – Беатрис помнит твоего брата и очень обрадовалась, когда я рассказал о тебе. Так что можешь рассчитывать на временное разрешение, а потом и на постоянное... Но об этом пока рано думать, конечно. Хотя... – Он развернул сверток – в нем оказался кусок сливочного сыра. – Хотя она уже говорила с Арной, и та не против, чтобы ты осталась.

– Как? – удивилась Аста. – Река уже знает, что я здесь?

– Конечно. Она знает обо всем, что происходит в городе. Потому что ей принадлежит вся вода и вода ей все рассказывает. После приема мы ходим к ней, здороваемся.

– Ох... Прямо сегодня? – Аста растерялась. Встреча с сеньорой, пусть даже такого волшебного места, ее не очень пугала – к общению с представителями разных инстанций в Германии привыкаешь с детства. Но всезнающая река, которая однажды уничтожила целый город, – это пострашней бюрократии.

– Да ты не бойся, Арна вообще очень спокойная, – заверил ее Тео, заметив испуг в глазах. – В принципе, как и любая вода, она всего лишь отражает смотрящего в нее, и если к ней с добром, то и она будет доброй. Но это все разговоры, сегодня сама все увидишь. Давай-ка позавтракаем для начала.

* * *

В назначенный час, без пяти минут два, они стояли перед зданием ратуши. Оно одно из немногих в городе не парило в воздухе, а стояло на прочном фундаменте и было выстроено из бледно-розового камня. Ступенчатый свод украшал орнамент, на фасаде висели огромные часы с ажурными золотыми стрелками и фигурками знаков зодиака. Над ними, на длинном флагштоке, полоскался на ветру флаг с гербом города – голубая волна с кудрявой белой пеной, над которой сияло красное сердце. Арна и Эльм. Живущие в разных мирах, бесконечно далекие друг от друга – и все же близкие, как никто другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.